ВЫПУСК 34. ЧАСТЬ IV.

ТРУДЫ

Нижне-Волжского Областного Научного Общества Краеведения.

Этнографический сборник.

Издания Н/Волжского Областного Научного Об-ва Краеведения.

САРАТОВ
1926

ВЫПУСК 34. ЧАСТЬ IV.

Об
30
Т 78

ТРУДЫ

Нижне-Волжского Областного Научного Общества Краеведения.

Этнографический сборник.

Издание Н/Волжского Областного Научного Об-ва Краеведения.

САРАТОВ
1926

Проверка 1…3 г.

Главлит АССРНП № 68. Тираж 400 экз.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ БИБЛИОТЕКА
832041

ГОР. ПОКРОВСК.
Типография «Немгосиздата»
1926.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

1. Краткий отчет Этнографического Отдела за время с 1922 г. по 1925 год . . . . . 5—6

2. Проф. Б. М. СОКОЛОВ.—По Петровскому уезду . . 7—21

3. Т. М. АКИМОВА.—Старое и новое. (Духовная культура с. Казанлы Вольского у.) . . . . . 23—35

4. П. Д. СТЕПАНОВ.—С. Казанлы. Материальная культура (внешний быт) . . . . . 37—44

5. В. П. ВОРОБЬЕВ.—Искусство чуваш с. Казанлы . . . 45—50

6. М. П. СОВЕТОВ.—Современная частушка . . . . . 51—60

7. Ф. Н. РОДИН.—К истории волжского бурлачества . . 61—73

КРАТКИЙ ОТЧЕТ

о деятельности Отдела Этнографии Нижне-Волжского Областного Научного Общества Краеведения за 1922—1925 г.г.

Этнографический Отдел Саратовского Общества Истории, Археологии и Этнографии, переименованный в 1925 г. в Этнографическую Секцию Нижне-Волжского Областного Научного Общества Краеведения, возник в 1919 г. Первоначальная деятельность его неразрывно связана с деятельностью проф. Б. М. Соколова, широко поставившего этнографические работы в Саратовском крае. Отчет за этот период был опубликован в «Саратовском Этнографическом Сборнике» вып. I под ред. проф. Б. М. Соколова.

Продолжаясь непрерывно до настоящего времени, работы Отдела (теперь Этнографической Секции) ведутся в трех направлениях. С одной стороны Этнографическая Секция сосредоточивает около себя все научно-исследовательские работы по этнографии, которые ведутся в Саратове. Кроме того Секция совместно с Областным Гос. Музеем ведет постоянное этнографическое обследование края среди всех его национальностей и по всем вопросам материальной и духовной культуры. И, наконец, Этнографическая Секция ведет работу чисто показательного характера, устраивая специальные заседания и этнографические концерты для широких масс. Заседания Секции происходят или в библиотеке О-ва или (в 1925 г.) были в клубе Работников Просвещения, что дало возможность привлечь к работе Секции и учительство г. Саратова. Всего в период с 1922—1925 г. включительно Секцией было проведено 19 заседаний, где было прочтено 24 доклада.

В 1923 году:

1. А. Н. Лозанова. «Песни о Степане Разине». I и II часть.
2. Проф. Б. М. Соколов. «Памяти профессора Янчука».
3. В. П. Никольская. «Памяти А. Н. Афанасьева».
4. Проф. Б. М. Соколов. «А. А. Шахматов, как историк русского языка и русской словесности».

На об'единенном заседании Этногр. Отдела с Научно-Исследовательским Институтом, посвященном памяти А. А. Шахматова.

5. Проф. Б. М. Соколов. «А. А. Шахматов, как человек и ученый».
6. Проф. П. Г. Любомиров. «А. А. Шахматов, как русский историк».
7. А. Н. Сиротинин. «Из воспоминаний о А. А. Шахматове».

В 1924 году:

8. М. П. Советов. «Опыт этногр. определения татар Петровского у., Сар. губ. на основе мифологии».
9. Ф. Н. Родин. «Программа по собиранию этнографич. материала о бурлаках».
10. Проф. А. П. Скафтымов. «Соотношение вымысла и действительности в былинах».
11. М. Т. Маркелов. «Религиозные воззрения мордвы в связи с религией восточных финнов (похоронный обряд)».
12. А. Р. Земскова. «Современная деревня».
13. Т. М. Акимова. «Чувашское с. Казанла, Вольского у.» (духовная культура).
14. Номто Очирович-Очиров. «История и быт калмыцкого народа».
15. Ф. Н. Родин. «Волжское бурлачество, по материалам, собранным с 1921 г.».

16. В. П. Воробьев. «Чувашское с. Казанла, Вольск. у.» (материальная культура).

В 1925 году:

17. П. Д. Степанов. «О селе Н. Жуковке, Вольского уезда».

18. А. А. Кротков. «К вопросу о панисламизме среди татарского населения Саратовской губ.».

19. Проф. С. В. Юшков. «Изучение обычного права».

20. Проф. Г. Г. Дингес. «Об историко-географическом методе в этнографии».

21. М. П. Советов. «Нисшая эпическая песня в Саратовском крае».

22. М. П. Захарова. «Лирическая песня в Саратовском крае».

23. З. П. Мельникова. «Современная частушка».

24. Т. М. Акимова. «Задачи этногр. изучения в Саратовском крае». (на совместном заседании отдела этнографии с отделом Географии, устроенном для учительского с'езда).

Работы по научно-этнографическому обследованию края ведутся Отделом непрерывно каждое лето, начиная с 1920 года и продолжаясь до настоящего времени. За период с 1922-23 г.г. были совершены следующие экспедиции, экскурсии и командировки:

1. Экспедиция в количестве 25 чел. под руководством проф. Б. М. Соколова летом 1923 г. в Петровский у. (для собирания экспонатов на Всер. С.-Х. Выставку).

2. Поездка в количестве трех человек—В. П. Воробьева, Т. М. Акимовой и П. Д. Степанова в чувашское село Казанлу, Вольского у., летом 1924 г.

3. Экспедиция зав. муз. Волгаря Ф. Н. Родина с художником А. М. Бабановским в 1924 г. по Волге от Саратова до Рыбинска с целью изучения быта и истории волжского бурлачества и других волжских рабочих.

4. Поездка Т. М. Акимовой в д. Гартовку, Саратовского у., летом 1925 г. для описания ткацкого производства и собирания экспонатов по ткачеству для Музея.

5. Экспедиция в числе 5 чел. зав. Музеем Волгаря Ф. Н. Родина, фотографа П. Д. Миронова, художника Н. А. Попкова и Е. Никольского летом 1925 г. по Волге с целью изучения истории судоходства и судостроения, изучения быта волжских рабочих, народно-волжского искусства, связанного с судоходством и для собирания экспонатов для Музея «Волгаря».

6. Поездка 4-х лиц: В. П. Воробьева, Т. М. Акимовой, В. П. Трофимова и М. Арясовой в с. Чардым, Саратовского у., летом 1925 г.

7. Поездка к чувашам Кузнецкого у. Т. М. Акимовой летом 1925 года для этнографического обследования их и приобретения экспонатов для Музея.

8. Поездка к мордве Кузнецкого у. П. Д. Степанова летом 1925 г. для обследования и приобретения экпонатов.

Все рукописные материалы, собранные за время с 1920 г. по настоящее время, хранятся в Этнографическом Отделе Обл. Гос. Музея. В результате этнографических изучений Этногр. Секция имеет несколько работ, приготовленных к печати.

Показательная работа секции заключалась, главным образом, в устройстве этнограф. концертов. В 1922 г. проф. Б. М. Соколов организовал этнограф. концерт с привлечением участников из меньших национальностей с мест. В 1925 г. были Секцией устроены два бесплатных концерта, посвященных народной песне.

Председателем Этнограф. Отдела с 1919 по 1923 г. был проф. Б. М. Соколов, с 1923 по 1925 г. проф. С. В. Юшков и в настоящее время проф. В. В. Буш.

Секретарь Этногр. Секции *Т. Акимова.*

ПО ПЕТРОВСКОМУ УЕЗДУ.

(Из отчета об этнографической экспедиции в 1923 году).

Совершенная летом 1923 года этнографическая экспедиция в Петровский уезд стоит в тесной связи с той этнографической работой Саратовского студенчества и моей, начало которой было положено в 1919 году. Эта работа вылилась: 1) в деятельности 5 лет продолжавшегося этнографического семинария, 2) в организации и деятельности этнографического отдела при местном краеведческом обществе, 3) в организации этнографического музея Саратовского края, 4) в многочисленных поездках молодых этнографов на места для собирания материалов и для наблюдений в области быта и народного творчества всех национальностей, 5) в организации крупных коллективных поездок по краю. [1]) Экспедиция 1923 года стоит в определенной преемственности с экспедицией 1920 года в Хвалынский уезд, продолжая этим систематическое и планомерное изучение края в этнографическом отношении. Но на этот раз экспедиция имела специальное задание: собирание материалов по домоводству и быту крестьян Саратовской губ. для представления их на Всероссийскую сел.-хоз. Выставку в Москве. Местом экспедиции на заседании Губвысткома был выбран Петровский уезд, своим лесостепным характером могущий представить главнейшие черты народного быта обоих географических полос Саратовской губернии. По выработке общего плана работы предстоящей экспедиции, были распределены специальные задания каждому из участников. Каждый получал для обследования определенный круг вопросов народной материальной и духовной культуры, чтобы при посещении того или другого селения получалась бы возможность путем разделения функций его систематического описания с разнобразных этнографических сторон. В состав экспедиции помимо руководителя вошли, гл. об., студенты словесно-исторического отделения Педагогического факультета. Кроме того вошли как специалисты студент ФОН'а—по обычному праву, студ. Медфака—по народной медицине, препод. консерватории Тулупников для записей народных мелодий и представители национальных меньшинств: Дуганов—чуваши и Горский—мордвин. Из технического персонала были приглашены художник и фотограф. Все участники экспедиции, кроме технического персонала, работали бесплатно, оплачивался лишь проезд и питание. Расходы на экспедицию были доведены до минимума. Весь путь был пройден пешком. Выехала из Саратова экспедиция 15 июня, возвратилась обратно 20 июля. По приезде в Петровск устроено было собрание под председательством пред. УИК'а—Шарапова с участием руководителя экспедиции и представителей уездных органов власти и учреждений: УОНО—т. Романова, Увысткома, УЗУ, Утздрава, Нацмена, Усельсоюза и т. д., где совместно был утвержден маршрут по уезду. Уисполком, через свои отделы на все время работы экспедиции предоставил три

[1]) Характеристику и отчет о всей этой этнографической работе за период с 1919 г. по 1922 г. см. в Саратовском Этнографическом Сборнике в. I под редакцией проф. Б. М. Соколова Саратов. 1922 год

лошади для перевозки дорожных вещей и приобретаемых экспонатов. Перед отправлением в путь мною была прочтена публичная лекция о задачах экспедиции и о краеведении. Во многих селах также были проведены лекции и собеседования с местными учителями по вопросам краеведения в школьном преподавании. Имея поручения от Губполитпросвета, Губоно, Губархбюро и Губмузея; экспедиция попутно обращала внимание на состояние сельских и волостных библиотек и архивов. Маршрут, который совершили этнографы, охватил, гл. об., всю восточную и северо-восточную часть уезда. Были посещены следующие селения: с. Бобровка, с. Кутьино, с. Ключевка, через Леляевку и Новоселье в татарское с. Ст. Карлыган, с. Соймино, с. Зиновьевка, чувашские села—Шняево и Белая Гора, мордовское село Бегуч, через Вершим и Никольское—в Петровск.

При собирании экспонатов для Выставки руководились стремлением представить наиболее типичные бытовые явления, что можно было сделать после внимательного наблюдения и сравнения. При изучении материальной культуры всегда принималось во внимание экономическое положение крестьянина. Поэтому для об'ективности в жилище, напр., брались жилище богача, бедняка и середняка. Каждый предмет подробно описывался, делались с него фотографии, зарисовки, чертежи, обмеры. Было приобретено для Выставки свыше 400 экспонатов. Одним из главных явилась модель крестьянской усадьбы—середняка—сделанная в $^1/_{10}$ натуральной величины, включающая в себя избу, мазанку, двор, конюшни, хлевы, амбар, баню, колодец, выход и пр. Модель сделана с усадьбы середняка с. Кутьино по точным обмерам, планам, фотографиям и зарисовкам, для чего мастера мастерской УОНО, делавшие ее, сами приезжали в это село. К модели была сделана вся утварь двора и дома тоже с соблюдением размера в $^1/_{10}$ натуральной величины. Модель эта, имеющая около 3 саж. в длину, включила до 70 отдельных предметов обихода. Помимо этого были также приобретены для Выставки образцы типичной одежды—мужской и женской, великорусской, мордовской, чувашской и татарской,—всего 11 комплектов; многочисленные образцы тканья и народной вышивки (100 штук), полный ткацкий станок «на ходу» со всеми принадлежностями, предметы передвижения и упряжи, полный набор утвари и посуды. Все экспонаты через Саратов были направлены в Москву [1]). Помимо этого, главные явления народной жизни были представлены в снимках, которых сделано до 200 и рисунках—до 100. Переходим теперь к краткой характеристике и приблизительному перечню произведенных наблюдений и записей в области материального и духовного быта крестьян Петровского уезда. Причем надо отметить, что согласно целям Выставки, главное устремление было на великороссов.

Селения и жилища. Во время экспедиции удалось изучить 11 великорусских сел, 1 татарское (Ст. Карлыган), 1 мордовское (Бегучи) и 2 чувашских (Шняево и Белая Гора). Все они средней или даже большой величины, около 1500 душ. и 150 дворов в среднем. По большей части все села расположены по берегам рек или вдоль оврагов, которые по свидетельству самих крестьян, когда то тоже были руслами рек. Так называемые «главные» улицы (большие по размерам или давние

[1]) Все эти экспонаты поступили затем в Гос. Центральный Музей народоведения в Москве, где с мая 1925 г. имеется особая обстановочная зала, посвященная ткацкому производству в Саратовском крае.

по заселению) располагаются вдоль этих рек и оврагов, небольшие же улицы и переулки идут перпендикулярно им. Чаще всего названия даются 3—4 улицам, остальные же названий не имеют, взамен этого носят названия «концы» села. Центром села является обыкновенно площадь, где находится церковь. Деление на курмыши встречается редко. Свои названия улицы получили или по каким-нибудь совершившимся там событиям, так, например, улица, где был большой пожар, называется «Горелою» (с. Кутьино) или по другим характерным признакам: улицу, по которой носят покойников, называют «Мертвой» (с. Ключевка, Кутьино и др.), улицу, на которой живут молокане, зовут «Молоканы» (с. Кутьино), улица за церковью — «Зацерковщина» (Кутьино), улица с обилием садов — «Садовка» (с. Зиновьевка). Конец, заселенный поссорившимися с родителями и отделившимися от них сыновьями, называется «Непочетовка» (с. Кутьино, Ключевка, Соймино, Бобровка). По свидетельству крестьян, села обычно начинали заселяться по берегам рек и оврагов. Типичной усадьбой является усадьба средняка, отступления для богача и бедняка только в размере и украшениях, которыми изобилуют только богатые избы. Усадьба состоит из избы, амбара, бани, выхода, огорода и двора. Ширина всей усадьбы—до 40 арш., длина—до 120 арш. Надворные постройки: погреб, подсарай, хлев для овец, летний хлев для лошадей, зимняя конюшня, хлев для дров и мазанка около калитки. Часто мазанка выносится на улицу перед окна (с.с Кутьино, Ключевка), образуя как бы свой порядок. Позади двора помещается «задний двор».

Изба (шириною 9 арш., длиною 10—12 арш.) ставится чаще налево от ворот широкой своей частью вдоль улицы, узкой—во двор, но не наравне с изгородью, а выступая в улицу на 4—5 арш. Изба средняка по большей части делится на «горницу»—большую жилую комнату и «чулан»—небольшую кухню в 2 арш. 10 вер. шириной по фасадной стене. Кухня от горницы отгораживается небольшой перегородкой, доходящей до печки, с небольшою дверью. Иногда кухня стоит совсем отдельно от горницы (Бобровка).

Амбары устраивают подальше от домов, в переулках. Бани—в глубине огорода у реки, позади заднего двора. «Выхода»—подвалы строят около домов по улице. Изба, амбары, иногда мазанка, строятся из леса: первые четыре венца из дуба, остальные из смешанного. «Пазы» постройки, изба же и мазанка иногда целиком, промазываются глиной. Иногда вся постройка промазывается смесью глины с навозом и песком и белится сверху белой глиной или мелом (Бобровка). Надворные постройки делаются из хвороста, заплетенного в плетень и обмазанного глиной, на север от Кутьина—делают из самана и камня, перемешанного с глиной. Камень в большом количестве добывается в оврагах. Им же иногда покрывают на $1^{1}/_{2}$ арш. от земли плоские крыши выходов (с. Соймино). Крыши—до 70 проц. крыты соломой или пропитанной жидкой глиной, или «внакидку»—снопами (в кучи); до 15 проц. крыты тесом, 10 проц.—железом и 5 проц. черепицей. Крыши надворных построек всегда соломенные. Форма крыши—двускатная. Из архаических построек встретился погреб в форме конуса, сделанного из кольев и покрытого сухим навозом (с. Шняево — чуваши). Встретились глинобитные мазанки. Для всех построек и их разновидностей сделаны подробные описания, обмеры, планы и чертежи.

Утварь. Так же подробно обследовано оборудование крестьянского двора и дома. Материал поделок утвари—глина (посуда), дерево (большинство предметов

хозяйства). Железные изделия покупаются на стороне. Деревянные же вещи часто делают сами, и только иногда, за нехваткой леса, получают из других уездов. Глиняные изделия привозятся, главным образом, из Кузнецкого у., из с. Каменкир. Утварь и мебель среднего крестьянина довольно скудна. Посуда глиняная—желтая и красная с орнаментом, сделанным коричневой краской и черная—с выбитым орнаментом. Узор однообразный—зигзаги, обручи, ветки и т. д. Кроме городских: чугуна, противня, сковороды и т. д., в каждом доме имеется: глиняные блюда, «черепушки», «жарёхи», горшки и «кубышки» для масла, чашки, кувшины, корчаги и пр. За столом семья пользуется крашеными деревянными ложками, деревянным половником, одним ножом и деревянной тарелкой. Стеклянной посуды, кроме чайной—нет. Избы обставлены по одному образцу: перед печкой шест для вешанья полотенца; близ печки, у стены—судная лавка; над ней полка для посуды с ситцевой занавеской. В горнице—шкаф для посуды, в переднем углу—сосновый стол и две широких лавки; спят на них и на полатях. Кровать одна деревянная, около нее зыбка, пара табуретов, у печки глиняный умывальник и шайка,—вот и вся обстановка крестьянина-середняка. Лучше бывает оборудовано самое хозяйство. Вот перечень необходимых предметов: жестяная доёнка, воронка в виде долбленого корыта с дыркой посредине для процеживания кваса, деревянный полевой лагун для воды, жестяной лагун для дегтя, деревянная ступа с пестами для конопли, ступа для пшена, ступа для белья (все они долблены иногда в плохо обделанном дереве), лубочный короб для муки, ларь (ставится в выходе), «ночевка» для муки, пахталка двух видов: или долбленая из одного дерева, или досчатая с обручами, деревянные совки для зерна, мера железная или плетеная из соломы, деревянные кадушки и боченки с деревянными и железными обручами, долбленые корыта для кур и свиней, точило с корытом, куриные гнезда, плетеные из соломы. вот главные хозяйственные вещи. Большинство предметов выделывается самими крестьянами из своего материала, и только некоторые: бочки, кадки, железные вещи, покупаются на базарах.

Одежда крестьян Петровского уезда интересна в том отношении, что наряду с необыкновенною живучестью ее отдельных видов можно наблюдать по ней большое уменье приспособляться к различным условиям. Так, в женском платье, например, можно проследить эволюцию его на протяжении многих лет. У некоторых старух сохранился старинный русский сарафан «с пуговицами» (с. Топлое) китайчатый, из 6 выкроеных полотен с каймою спереди и на подоле. Спереди вдоль каймы нашиты пуговицы и петли. Обычно старухи берегут себе такие сарафаны на смерть. Большинство же старух носит сарафан московский «с промцами» (иначе «с мышками») кубовый синий или черный с цветочками, состоящий из 6 полотен, собранных на верху сзади в густую сборку. Одевается сарафан на рубашку («стан» с рукавами) самотканной материи, низ более грубой, верх из мягкой, иногда даже покупной. Поверх сарафана одевается пояс и «запон» фартук не выше пояса. Любопытное видоизменение сарафана пришлось наблюдать на пожилых женщинах (с.с. Кутьино, Бобровка, Козловка) Это так называемый «мисинёр» или «платье», который представляет из себя платье без рукавов с короткой кокеткой спереди, которая сзади доходит до пояса (как бы заменяя промцы). Иногда и спереди кокетка доходит до талии, образуя, таким образом, как бы лиф. Одевается мисинер тоже на стан с рукавами. В с. Кутьино поверх

мишинера носят короткую широкую кофту «разлетайку» из яркого одноцветного сатина. Это все костюм сравнительно редкий. Современная повседневная одежда женщины — юбка ситцевая или сатиновая в широкую сборку и короткая узкая кофта, которые одеваются на старинную рубашку (стан с рукавами). В праздник — одежда того же покроя, только лучшего и более яркого материала. В Козловке мы наблюдали необычайно пеструю толпу женщин, шедших в церковь. Так, например, темно-красная сатиновая юбка, ярко-зеленая сатиновая кофта, желтый фартук и светло-синий шерстяной платок. Кофточки пошли модные «с басками» (ниже талии) и зовут их «блюсками». Самое последнее время заметна частая замена фабричных тканей самодельными, окрашенными своим же способом. Юбки шерстяные (вытканные для прочности пополам с поскопью) или яркие-розовые, сиреневые или черные, с разноцветными каймами на подоле. Кофты холстовые белые или шерстяные вязаные. Широко распространились за время революции вязаные шерстяные изделия: кофты, фуфайки, юбки, платки. В некоторых селах в вязаньи юбок дошли до большой виртуозности особенно в разнообразии и пестроте кайм. Носятся эти вещи не только зимой, но и летом. Зимние одежды «гейжи» пальто в талию, полушубки дубленые, пальто — широкое прямое городского типа и у старух «бедуимы» широкая, крытая сатином, одежда с фалдами внизу. Костюм девочек мало отличается от костюма взрослой женщины, у них чаще только можно встретить платье городского типа. На голове пожилые женщины и старухи носят повойник и платок. Но уже значительное количество женщин можно встретить с раскрытой головой и с прической не на две косы, а с узлом на макушке. Правда, по отзывам, это веяние самого недавнего времени, но оно быстро распространяется. Платки ситцевые и зимние шали и полушалки фабричного производства совершенно вытеснены самодельными: вязаными шерстяными, или тканными полушерстяными полуносконными. Обувь в праздники городского типа—ботинки на пуговицах или на шнурках, обычная: летом — «шмарки» или «вязёнки»—вязаные из шерсти или веревок туфли; осенью—«галоши» (иначе «коты») — фасона высоких резиновых калош, но из кожи. Старухи носят лапти, если не всегда, то хоть в церковь; у некоторых имеются старинные «решетчатые» (мелкие). Одевается обувь на шерстяные чулки белые, черные, а чаще цветные с разноцветными узорами. К свадьбе делают непременно яркое платье. На ногах пестрые чулки и «гамажи». Последнее время наблюдается пользованье многих невест одним чьим нибудь платьем и одними же восковыми цветами на голову. Украшений Петровская крестьянка носит мало. Кольца — только обручальные. На шее ожерелье из стеклянных бус, плотно прилегающее к шее. Бусы больше белые и голубые. В ушах оловянные серьги большими кругами.

Мужская одежда почти исключительно делается из самотканной материи темных цветов. В праздник носят ситцевые рубахи и суконные штаны. Зимой носят узкие стеганые на вате штаны, которые заправляют в сапоги или валенки. Носят и пиджаки и жилеты, но мало. Встречались кое-где вязаные шерстяные жилетки. Распространен костюм военный. Зимняя одежда: полушубок, шуба — овчинные или крытые, «бекеша»-поддевка, тулуп и шубейка — короткий овчинный пиджак. Головные уборы таковы: летом картуз — покупной суконный или самодельный соломенный; зимой шапка, последнее время распространился «малахай». Обувь—сапоги, валенки, обрезки, «галоши» и на работе — лапти.

Ткани свои крестьянки сами резко разделяют на старые и новые революционные. Старые окрашены яркими покупными красками, рисунок—полоска и клетка доходит до необыкновенного разнообразия. Среди них много льняных и с добавлением бумаги. Бывали и чисто бумажные. Современные ткани более прочные посконные, без примеси бумаги или полушерстяные, полупосконные Окрашиваются они своими средствами—сажей, ольховыми шишками, дубовой корой, листом неклена и т. д. в темно-коричневый и черный цвета. Окрашиваются и в другие цвета краской, вываренной из старых суконных лоскутов. Но часто покупают краску у продавцов-разносчиков ярко-розовую и ярко-сиреневую для юбок. Из толстой посконной и шерстяной материи делают одеяла (последнее время только), которые стегают на кудели вместо ваты. Полотенца делаются двух видов: не длинные белые утиральники, иногда с небольшим узорным концом и большие с широкими цветными концами, льняные или бумажные. Эти полотенца очень берегутся и передаются от матери к дочери. Ими украшают зеркала и иконы.

Вышивками Петровский уезд не богат. Редко встречается крест и гладь, чаще тамбур. Взамен этого распространено искусство «набирать» ткани разными узорами, доходящее до виртуозности. Употребляются такие ткани большею частью к концам полотенец. Распространено и старинное «шитье впробор». Большое мастерство наблюдается в изделии поясов. Встречаются пояса вязаные из разноцветной шерсти, одетые на жгут, с пестрыми помпонами по концам; плетеные пестрые с разнообразной клеткой, тканые из разноцветного гаруса. Существовали особые станки для тканья этих поясов. Узорчатые такие пояса любят одевать и на современную юбку (Козловка). Мужские пояса проще, скромней. Как современное явление, нужно отметить деревянные и кожаные пуговицы.

Пища Петровского крестьянина довольно однообразна. Много употребляют мучного. Дрожжей не употребляют, тесто ставят на тесте же. Пекут: хлеб черный кислый, ситный, блины, блинчики, оладьи, пресные лепешки, лапшенник. Утром, часов в 8—9, завтракают картофельной похлебкой или картофелем в мундире и кашей. За обедом, часов в 12—2, бывают: щи с кислой капустой, каша постная или молочная или лапша, иногда же картофель в масле, сале, сметане и летом квас. На ужин идут остатки обеда. Только по праздникам бывает мясо. Пекут на праздники и пироги, но не всегда. На пасху делают куличи и кравайц, на свадьбу—«курник», на крестины—«крестильный пирог».

Главные и подсобные занятия крестьян Петровского уезда. Главное занятие крестьян—хлебопашество. Ведется оно трехпольной системой. Землю обрабатывают сохой, плугом и бороной. На первом месте из земледельческих орудий стоит соха. Есть села, где распространен плуг (Кутьино), но их меньше и можно наблюдать, что и здесь переходят к сохе. Переход этот выражается просто в переносе лемеха от плуга на соху и вызван он недостатком живого инвентаря, а иногда и отсутствием кузниц. Только у некоторых крестьян имеется такой инвентарь, как жнейки, косилки и сеялки и то часто довольно ветхий. За отсутствием рабочего скота обработка поля случается иногда и на коровах. В одном же селе у татар (ст. Карлыган) наблюдали боронованье поля женщинами и девочками. Это явление—несомненное следствие голода 21 г. Но этот же 21 год дал и некоторый сдвиг в лучшую сторону. Наблюдается стремление использовать каждый кусок земли. Так, в Зиновьевке сажают овощи перед окнами в палисаднике. Начали разводить некото-

рые новые культуры, как, напр., сахарную свеклу: и увеличили посев картофеля (дающего большой урожай) за счет яровых хлебов.

Встречаются у крестьян и некоторые подсобные промыслы. В Ключевке, Верешиме, Козловке—валянье валенок, в Козловке—выделка овчин и сапожный промысел. Почти в каждом селе имеются кузнецы, но работают только на себя. Распространено повсеместно витье веревок, выделка кирпича, бондарный промысел, но это опять-таки исключительно только на себя.

В средствах передвижения наблюдается большое разнообразие (м. б. об'ясняющееся разнообразием племенного состава населения). Встречаются телеги, фуры, полуфурки, дроги, колымаги, каляски: зимой сани—розвальни, сани обшивки и сани «с подрезами». Во время голода появились в селах особые рабочие тележки и салазки—это уже изобретение безлошадных крестьян.

Помимо описания материальной культуры экспедиция в равной мере была заинтересована и записями культуры духовной. Насколько полней и ярче становилось представление о селе и его жителях, если, например, имелась возможность заглянуть в его прошлое.

Местные предания и легенды. В каждом селе почти существуют предания о его образовании и его прошлой жизни. Многие из них проливают свет на название села. Говорят, что Бобровка, напр. (на реке Медведице), названа так потому, что когда-то в лесах ловили по Медведице много бобров. Около Козловки теперешней водились раньше дикие козы. В с. Новокрещены помнят еще о крещении обрусевших теперь и живущих в этом селе мордвы и татар. Многие легенды говорят и о прежней жизни. В Козловке рассказывают о том, что раньше на ее месте был строжевой пункт. Недалеко находится и хуторок «Маяк». Новокрещены рассказывают, что первыми на этом месте поселился пушкарь Белоусов, который при Грозном взорвал Казань. Отдельные урочища связывают с именем Разина и Пугачева, действовавшими когда-то в крае. И, наконец, большое количество не преданий даже, а довольно свежих воспоминаний о крепостничестве существует почти в каждом русском селе. Сколько мрачных, тяжелых картин открывается в этих рассказах. В с. Зиновьевке рассказывали о барине, который из-за собаки запорол женщину: но ей говорил: «нет никого дороже собаки», а она в ответ: «если нас не будет, кто кормить будет?»—ну и велел пороть на льду. Тяжелые воспоминания оставил после себя барин в Ключевке и особенно в Порзове, которое принадлежало нескольким мелким помещикам.

Обращаясь к обрядовой стороне крестьянской жизни, более всего сохранившей традиционные формы и переживания старины, можно отметить следующее.

Обрядовый народный календарь Петровского уезда отмечается большою полнотой в смысле сохранности отдельных обрядов и их количества. Правда, эти обряды во всех селах характеризуются почти одинаковыми чертами, но своею распространенностью и архаичностью они превосходят обряды других уездов Саратовской губернии. В период войны, голода, вообще общего разрушения экономической жизни страны и соблюдение народных календарных обрядов сократилось (по словам крестьян: «не до того было»), но за последний год наблюдается снова оживление их. Начнем обзор их с начала года. Под новый год взрослые девушки и парни собираются партиями, ходят и поют под окнами «Таусень» (записано несколько вариантов). Дети бегают, кличут «коляду». Ночью девушки гадают о суже-

ном. Все святки молодежь веселится. Ночью толпами ходят ряженые в вывернутых полушубках, с горбами, рогами и в «харях». Масляницу начинают праздновать с половины недели. Пекут блины, катаются на лошадях. «Молодым» в это время оказывается особое внимание. Они ходят в гости по всем своим родным с маленькими хлебцами в подарок. В селе же Бобровке существует обряд «скатывания» молодых. Их кладут на полог, на них наваливается толпа девок и парней и таким образом их действительно скатывают с горы. На масляницу же обыкновенно устраиваются кулачные бои, достигающие иногда больших размеров и кончающиеся нередко увечьями. Борьба происходит или между двумя концами села, или между разными селами. Наконец «провожают» масляницу. Молодежь устраивает чучело из соломы в виде человека или лошади и толпа разряженных парней возит это чучело по селу. Утром его снимают. В с. Курьино наряжают живую лошадь: увешивают ее тряпками, лентами, под морду подвязывают жгут соломы. 9 го марта дети «закликают» весну, выходят с испеченными жаворонками на двор и, подбрасывая их вверх, поют: «жаворонушки, прилитите. Вясну красну принесите!» Девушки и парни встречают весну за селом: здесь они водят хороводы, поют «веснянки».

В четверг перед Троицей празднуется «Семик». Девушки идут за село в рощу или в поле, берут с собой лепешки, яйца и другое печенье. Там они делятся парами. Каждая пара меняется яйцами, которые они вместе с'едают и после этого называют друг друга «кумами». После «кумления» (иначе «кумовства») возвращаются домой с песнями с венками на голове, которые они потом бросают в реку, загадывая о будущей жизни. На Заговенье весну «провожают». В Порзове девушки и парни делают соломенное чучело в виде человека или лошади; кладут его на носилки, которые несут четыре девушки. Впереди идет девушка, одетая в полог от зыбки, изображая священника. В руках она держит привязанный на веревке лапоть. Остальные девушки одеты старухами и причитают, как по покойнике. Процессия двигается по селу. За селом чучело выбрасывают и с песнями возвращаются домой. На Купалу—все обливают друг друга водой. Сохранился в Петровском уезде интересный обряд «дожинок» — обычай оставлять на полосе горсть хлеба, завязанную узлом «Миколке на бороду». Из осенних празднеств широко распространен девичий праздник «Кузминки». 1-го ноября, в день Козьмы и Демьяна взрослые девушки (а в некоторых селах девочки до 12 лет) снимают избу и «ссыпаются»—приносят всяких с'естных припасов, из которых приготовляют к вечеру разные кушанья. Вечером веселятся: к ним приходят парни, поют, танцуют, играют в разные игры.

Свой народный календарь распространен у крестьян больше официального, время счисления ведется по сельско-хозяйственным работам. Вся жизнь крестьянина направлена таким образом, что толкает постоянно на мысль о своих работах. Каждый день почти отмечается, как дающий приметы на урожай или другие виды хозяйства.

Некалендарные обряды в Петровском уезде сохранились также хорошо. Ими до сих пор сопровождается вся жизнь человека. Самое рождение бывает обставлено многочисленными приметами. «Бабка» все это время считается самым почетным человек. Очень пышно празднуют крестины. Специальными причитаниями и песнями надо отметить проводы рекрутов, которые много гуляют, устраивают вскладчину попойку. Причитания Петровского уезда отличаются необыкновенною яркостью, сочностью и полнотой. Выполняют их не только специалистки, но знают почти все

женщины. Распространена старинная рекрутская песня «Жаворонычек размоленький, расхорошенький. Ты зачем нашто рано вывился».

Самый большой обряд это, конечно, свадьба. Обычно проходят сватовство, рукобитье, запой, девишник, самая свадьба и «блинки», но в Петровском у. они совершаются более полно. Записано 5 полных обрядов из разных сел, которые разнятся только в деталях. К ним записано до 50 песен и до 30 причитаний. Причитания невесты мало варьируют—это установившаяся раз навсегда форма, от которой мало отступают. Знают их все, даже маленькие девочки. Много употребляется величальных песен, которые поются девушками жениху и парням: «У сизого голубя золотая голова», «Как по саду, саду, садику, по зелену виноградику», «как во тереме гусли лежали» и много других. Много употребляется «присказок», «причетов». Их распевают свахи, когда с пляской ходят после свадьбы по гостям.

В похоронах гораздо больше, чем в других обрядах, занимает место сторона церковная. Только в некоторых мелочах можно усмотреть старинные черты. Записано много примет, связанных с покойником. Причитания по покойнике отличаются от других причитаний большею импровизацией. Вот почему в них заметно большое разнообразие.

Суеверия в Петровском у. также обильно представлены, как и обряды. Широко распространены рассказы о лешем, домовом, о летуне, ведьмах, которые будто бы обращаются в разнообразных животных и ходят душат людей. В с. Кутьине нам показали ведьму, которая будто бы отнимает молоко у коров. Молоко это у ней в доме льется через сучек в стене. Она из него, говорят, делает масло и продает на базаре. С одной «ведьмы» сделан был снимок, причем она очень протестовала, говоря, что уже собирается умирать, а это на том свете зачтется. В с. Зновьевке такая женщина зовется «волха». Рассказывают крестьяне и о водяных женщинах, о черте и его проделках. Интересно то, что многие рассказы о всех этих представителях низшей мифологии крестьяне передают от 1-го лица, говорят, что они сами были очевидцы того или иного случая.

О большей сохранности старины в Петровском уезде сравнительно с другими уездами Саратовской губернии говорит и тот факт, что здесь удалось записать некоторое количество былин, уже не бытующих или мало бытующих в Саратовской губернии.

Былины записаны в с. Кутьине в количестве четырех и каждая в нескольких вариантах: 1) об Иване Гостинном сыне, 2) о Добрыне и Алеше, 3) о Сухмане и 4) об Алеше и Никите Романовиче. Еще в 1895 году былины были здесь записаны деятелем б. Сарат. Ученой Архивной Комиссии М. Е. Соколовым. И теперь, найденные нами былины, сохранились у лиц, связанных с прежними певцами родственными узами, но часто они были переданы в большей полноте и сохранности, чем они записаны М. Е. Соколовым. Лучшие певцы И. Ф. Токарев 55 лет и А. В. Бочкарев 60 лет. Но помимо единоличного исполнения, распространено исполнение былин хором, особенно наиболее популярной «об Иване Гостинном сыне», которая поется теперь даже на свадьбах. [1]) Приведу вариант, записанный с голоса у И. Ф. Токарева.

[1]) Эти данные значительно дополняют сведения о былинах, записанных до сих пор в Сарат. губ., ср. статью проф. Б. М. Соколова «о былинах, записанных в Сарат. губ.», научное приложение к журналу Культура № 1. Саратов 1922 г.

Как у князя, у князя у Владимира
Случилось пированьице почетное.
Что честная, что хмельная много радошная.
Про князьев ли про боярев, про могучих богатырев.
Не про всю ли поленицу, про удалых молодцов.
Володимир князь по горенке похаживает—
Он во правой руке чарочку понашивает.
Он не малу не велику, полтора её ведра,
Полтора ее ведра зеленова вина.
Кто бы бился и рубился об великий об заклад
Ни об о ста рублей, ни об тыщищи
Аб своей то буйной об головушки.
Уж и кто бы эту чару принял правою рукой.
Выпивал бы эту чару за единыем духом.
Выбирался сын Гостинный, принимает чару да единою рукой.
Выпивает за единый дух.

От П. Ф. Токарева записано и несколько исторических песен, близких по стилю к былинам: «Кобелики»—песня о Ермаке и Никите Романовиче, 2) «Шатрики» о Петре и «прусском короле». И в других местах записано и прослушано еще несколько: о сыне Стеньки Разина, про вора про Игнашку, о взятии Рязани, про Севастопольскую войну, по Платова казака, о смерти Александра I, про графа Ашкевича (Паскевича-Эриванского) и др.

Лирическая песня. В Петровском уезде поют много и петь умеют. По вечерам и праздникам собираются уже спевшиеся хоры любителей старинной песни. Поют на много голосов с обильными подголосками. Молодежь же больше поет под гармонь, расхаживая по улицам. Песенный материал очень разнообразен. Поют все—но у каждого возраста свой репертуар. Только иногда репертуар старшего поколения бывает традиционно усвоен молодыми женщинами, в общем же старинные протяжные песни с традиционной поэтикой: обилием символов, параллелизмов, постоянных эпитетов доживают свой век вместе со смертью и потерей памяти у стариков и старух. Среди этого репертуара наблюдается много низших эпических, много любовных и семейных или бытовых с отголосками старинных бытовых отношений. Лирических голосовых песен записано до 300. Большинство из них грустные, небольшая часть веселых (до 10) и несколько юмористических побасенок.

Рекрутских записано до 5, игровых-хороводных—10 и немного плясовых—4. У молодежи свой репертуар. Это или обычные городские песни, или стихотворения изящной литературы, или рифмованные песни с отголосками современности, городской культуры, городских впечатлений и мод. Любимое увеселение—это пение под гармонь частушек (записано до 300 шт.) большинство из них любовные, отчасти на общественные темы с отголосками современности.

Дети поют почти исключительно частушки и детские песенки, выученные в школе. Песни записывались в разных селах с различными вариантами и контаминациями иногда мотивов.

Помимо текста, фиксировались также и мелодии песен, особенно некоторых. **Музыкально**-этнографический материал экспедиции таков. Записана мелодия былины «об Иване гостинном сыне», 5 напевов исторических песен, 16 лирических

свадебных. Произведены записи и у других народностей: две песни записаны у мордвы, две у чуваш и одна татарская.

Сказки записаны следующие: 10 волшебных (2 из них—переделки западных повестей 17 века), 3 детских, 13 бытовых-юмористических и 3 побывальщины—всего 29. Большинство сказок записано не от специалистов, но или от детей, или от женщин, которые говорят, что рассказывают их детям и только несколько сказок, большею частью бытовых, записано от сказочников специалистов—или нищих, или крестьян, но известных в округе как сказочники. Несмотря на это сведения о настоящих сказочниках сообщались почти в каждом селе. Поймать же этих знатоков было очень трудно. Они летом или нанимались в пастухи далеко от своего села, или сторожили чьи-нибудь бахчи, тоже нанимаясь в каком-нибудь другом селе, уходя иногда в другой даже уезд. Старики же после голода 21 года многие вымерли. Интересно было производить запись потому, что помимо самой сказки можно было наблюдать тот большой интерес у толпы слушателей, которая и подает свои возбужденные реплики Из тридцати записанных сказок приведу для примера одну маленькую «о разбитом яичке».

«Жил старик со старухою. У них была курочка, старика-старушичка. Снясла яичко в сенях, на полке, на аржаной саломки. Откуда курва мышка ни взялась расколола это яичко. Деда плачет, баба гарюит, сарока ногу изламала, тын расшатался, дуб с сибя сучки насшибал. Панова дочь за вадой пашла, ведра разбила, карамыс разбила. Пришла дамой, пападья спрашивает: «что ты дочь без вады пришла?» она рассказывает: «како на меня горюшко, какое на меня великое,— у дедушки—бабушки была курочка стара-старушечка. Снясла яичко в сенях на полке на аржаной саломки. Откуда курва-мышка ни взялась, раскалола эта яичко. Деда плачет, баба гарюит, сарока ногу изламала, тын расшатался, дуб с сибя листочки насшибал. Я за вадой пашла, ведра разбила, карамыс разбила—хоть ты, пападья, с горя выкидай пироги за окошко!». Пападья с горя и выкидала пироги за окошко.

Поп идет «что ты это, пападья, делаешь?». Она отвечает: каково на меня горюшко, какое великое—у дедушки-бабушки была курочка, стара-старушечка. Снясла яичко в сенях на полке на аржаной саломки. Откуда, курва мышка, ни взялась, раскалола это яичко. Деда плачет, баба гарюит, сарока ногу изломала, тын расшатался, дуб с себя листочки насшибал. Наша дочь за вадой пашла, ведра разбила, карамыс разбила. Я с горя выкидала пираги за окошко. А ты, поп, с горя хоть об косяк расшибись!». Поп как разбегся и об касяк расшибся. Стали попа харанить да поминки справлять. «Больно яичко-то дорогое»—заключила рассказсчица.

(С. Козловка, записала Белолипова от. Праск. А. Куликовой 35 лет).

Легенды и духовные стихи. Произведений народного творчества в этой области записано совсем немного. М. б. это об'ясняется тем, что нам совсем не встретилось специального класса нищих-калик, главных носителей духовных стихов и легенд. Рассказывали же просто старики крестьяне, часто старые девушки, которые отличаются большою религиозностью. Одна старушка рассказала о явлении ей св. Павла и св. Иннокентия и в другой раз ап. Иоанна и пророка, которы, будтобы, велели ей итти странствовать на Сахалин. События эти она описала как действительно бывшие. Она же передала 3 рассказа из апокрифического Евангелия

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ

Фомы и пересказала «Потерянный и Возвращенный Рай» Мильтона. Духовных стихов записано восемь: о страшном суде, о рае, о богатом и Лазаре, о грешной душе и др.

Наряду с общим планом работ, этнографической экспедицией собирался материал и по **Обычному праву**, как дореволюционному, так и революционному. В русских селах обследован семейный быт, виды трудовых артелей договоров и сделок; выяснено отношение населения к преступлению и наказанию. Описаны случаи самосудов над конокрадами. По памяти старожилов записаны рассказы о крепостном праве. Некоторые обычаи представляют интерес также и с их ритуальной стороны, напр., сватовство, покупка лошадей, наем пастуха. Интересный материал дали татарские села, особенно о женском движении среди мусульманок и др. Интересно также отношение татар к др. национальностям. У чуваш интересно было наблюдать современные браки-самокрутки, дающие с обрядовой стороны особые виды древней формы брака-умычки и покупки. Нельзя не отметить того факта, что новое революционное право вытеснило многие древние обычаи, но вместе с тем оно само создало много новых норм, особенно в среде семейных отношений и в области земельного права.

Народная медицина. Всего собрано 250 сведений о народном лечении различных заболеваний: кашля, колотья в боку, ломоты, водянки, желтухи, головокружения, желудочных заболеваний, сифилиса, антонова огня, собачьей старости, бельма, экземы, паралича и т. д. и т. д. Замечается классификация болезней. Некоторые большею частью лечатся врачебною помощью, другие — помощью знахарок. Например, грыжа, рожа, зубная боль, детские болезни, женские болезни лечатся почти исключительно помощью заговоров или трав. Есть знахарки—специалистки по одной только болезни. В с.с. Кутыше и Соймине специалистки по сибирке славятся и приглашаются на десятки верст вокруг. Вообще же знахарки есть везде, не исключая даже и тех сел, в которых есть больницы. Всего собрано до 40 заговоров —от сибирки, малярии, кровотечения, грыжи, рожи, собачей старости, детского крика и много др.

Чуваши. Экспедиция захватила как раз тот уголок Петр. у., где находится средоточие чуваш — с. Шняево, д. Белая Гора и Абдуловка, т. к. меньшие национальности на этот раз не являлись главною задачей изучения экспедиции, то она пробыла среди них очень недолго. Обследование велось обычным порядком, сделаны и некоторые приобретения. В фактах материальной культуры необходимо отметить значительную руссификацию. Женский костюм у молодежи состоит уж исключительно из юбки, кофты, стана, который зовется у них «станкă». Население, как говорят, переживает здесь четвертое поколение. Пришли сюда из Симбирской губернии. Ввиду ограниченности времени, гл. об. внимание пришлось обращать на те вопросы, которые не были выяснены в предыдущих обследованиях саратовских чуваш. Записано несколько различных произведений народного творчества. Для записи обрядов сложились очень благоприятные условия. Экспедиция была в Шняеве как раз то время, когда там игралось сразу две свадьбы. Отдельные моменты обряда, как: поезд жениха, покупка ворот невестина дома, первая чарка жениху и невесте, пляска и др. были сфотографированы. Нужно отметить стихийный характер исполнения обряда — почти все село участвует каким-либо образом в празднестве. Веяния революции коснулись отчасти и этих глухих уголков губернии. Все меньшее значение имеет церковная сторона обряда, а в последний год, как мода,

стали наблюдаться, так называемые, пробные браки. Интересен обряд, который справляют девушки осенью и который во многом напоминает русские «Кузминки». Это девичий праздник, который они устраивают вскладчину и на который приходят к ним парни и их отцы выбирать невест. Остальные описанные обряды сходны с теми, которые приходилось наблюдать у других саратовских чуваш. В записях старой чувашской веры приходилось обращаться к фактам уже отжившим, как общественные языческие моления, но память о них очень свежа, да и живут еще пережитки этих верований в виде суеверий. Между прочим, надо отметить, что после голода 21 г. совсем уже не осталось среди чуваш стариков и записи производились у сравнительно молодых лиц. И все-таки многие моменты старой языческой чувашской религии у Петровских чуваш гораздо ярче и полнее. Здесь помнят еще самое божество «Кереметь» (именем которого в других уездах зовутся просто места моления). Интересно, что в с. Шняеве священная роща «Кереметь» впоследствии была срублена на церковь. «Jyrăk»—общественное моление о дожде не справляется уж лет 40—50. Из домашних же религиозных обрядов многие бытуют и сейчас, но они приняли христианский характер. Таковы—осеннее моление с благодарением за собранный хлеб, «сюмюрчук»—моление о дожде (вроде русского Купалы). Он справляется таким образом. Дети и девушки с кушаньями, припасами собираются у ручья, здесь устраивается пиршество (прежняя жертва). В воду пускается воробей или утка (тоже жертва) и после этого все начинают обливаться водой.

Отличаются от других чуваш и местные представления об „йерсхе"—божке провосудия. Этим именем здесь зовут злых духов, которые, будто бы, обитают в низких местах и оврагах. Им поклоняются, когда считают, что йерех вселился, или в пенек или в камень. Им ходят жаловаться обиженные на обидчиков, а также больные просить помощи. Очень ярки и полны представления низшей мифологии у Петровских чуваш. Особенно они интересны тем, что рассказываются обычно от первого лица, будто бы очевидцами отдельных случаев. Не надо особенно углубляться в старину, чтобы восстановить образы «злых духов», которыми буквально насыщена атмосфера. Некоторые суеверия сходны с русскими, напр., о домовнике, о горящем змее, прилетающем к тоскующей женщине, о водяной женщине и т. д. Любимое божество и сейчас—это богиня семейного очага «хертсурт», которая живет в печке. Ей молятся и сейчас, боясь, как бы она не спалила дома. Как и вообще у чуваш, распространен в Петр. у. культ мертвых. Раз в год «родители» (умершие) приходят, будто бы, к своим живым родственникам; им приносятся жертвы—кушанья и напитки, а ночью их снова выгоняют палками на кладбище. Существует вера в ведьм (вабар) и колдунов («тухатмаш»), которых нам даже показывали. В тяжелые годины мора и эпидемий употребляется добывание естественного огня, через который прогоняют скотину, вырывание опоиц из земли во время засухи и т. д. Всего записано до 60 рассказов различных верований старых, отживших и бытующих до сих пор.

Мордва. Как уже было сказано, в силу особых причин на национальности не пришлось обращать большого внимания. Кроме того, этнографический материал по мордве Петровского у. представлен работой М. Г. Маркелова [1]) Тем не менее и в

[1]) М. Г. Маркелов. Саратовская мордва. Этнографические материалы в „Саратовском этнографическом сборнике" под ред. проф. Б. М. Соколова. Саратов 1922 г.

эту экспедицию удалось сделать несколько интересных наблюдений. Та мордва, которая попала в круг обзора этнографической экспедиции, уже сильно обрусела, что и сказывается во всех вопросах ее материального быта. Помимо подробного описания материальной культуры, произведено много записей и по культуре духовной: ряд поверий, исторических сведений об образовании села, календарные обряды, свадьба и др.

Татары. Петровский у., Сарат. губ. меньше населен татарами, чем уезды б. Хвалынский и Кузнецкий. Здешние татары, даже по беглому наблюдению, резко разделяются на две группы по говору и отдельным фактам быта. Помимо этого, все Петровские татары отличаются и от Казанских. Можно отметить более крупный рост, более красивые черты лица с менее выраженными тюркскими чертами, рыжий цвет волос и сравнительно мало распространенный обычай носить кяпечь. У молодежи можно отметить большую свободу—она ходит, напр., по селу с русской гармоникой. Тоже самое надо сказать и о здешней женщине, которая ходит с открытым лицом и принимает обычно участие в общественных играх. В этом отношении отличается только с. Суляевка, где женщина не имеет права садиться за общий стол, прячется в присутствии мужчин и т. д. Петровских татар, как и вообще татар Поволжья, зовут «мишарями». Они знают это название, но принимают его обычно за бранное слово. В ответ они знают бранные слова Казанским татарам. Татары, как говорят, двигались в наш край вместе с мордвой, мокшей. Вместе сначала был образован и Ст. Карлыган, от которого мокша только недавно выселяется в Н. Карлыган. Таким же образом отделилась мордва из Ст. Вершаута, образовав Н. Вершаут. Наиболее благоустроенное из татарских сел.—Ст. Карлыган. В нем имеется и базар. Суляевка расположена рядом с базарным селом (Лопатино). Татары составляют главный элемент этих базаров. И вообще значительное их число занимается торговлей: возят по уезду деготь, скупают шкурье. Сельское хозяйство лежит, гл. об., на обязанности женщин. Совсем недавно стали татары разводить огороды. Внешний вид татарского жилья мало отличается от русского. Изба внутри лишена каких бы то ни было украшений. Печь—русская с подпечкой для кур, лавки вдоль стен и стол в переднем углу, покрытый характерною клетчатою, скатертью. Широкая лавка у стола покрыта цветным войлоком. Кровать с цветным одеялом и подушками вдоль. С. Суляевка, на котором больше всего отразился голод, дает яркую картину разрушения. Дворы там теперь имеются далеко не у каждой избы, хотя со стороны улицы еще сохраняются забор и ворота. Сени обычно делаются из плетня, обмазанного глиной. Кладовая находится перед домом на улице. Мужская одежда состоит из рубахи до колен без пояса, широких шаровар, камзола, бешмета, феси, сапогов без каблуков, или «вязенок» летом. Женская—из нагрудника (алынча, кюкряк), широкого без пояса платья, головного убора «тастар», штанов, камзола.

С весны начинается оживленная жизнь в деревнях. В это время справляется несколько обрядов. В первую весеннюю пятницу после пашни справляется праздник «Синятуй». В нем принимают участие и мужчины и женщины. Днем пируют, а вечером собираются на горе, где происходят разные игры и состязания молодежи. В междупарье совершается обычай битвы—«Курбан», во время которой обливаются водой. После уборки хлеба Илье оставляют хлеб-соль на загоне. Он, будто бы, при наливе хлеба ощупывает колосья, те, которые он не ощупал, остаются пустыми. После уборки хлебов поминают покойников. Интересный обычай существует при

проводе рекрутов. Они ходят прощаться с покойниками на кладбище, в это время наблюдают приметы.

Обильны у татар представления из низшей мифологии (так же как и у окружающих их соседей). Верят в колдовство, в дурной глаз. Больную лошадь («с норовом») водят лечить на русское кладбище, где она, будто бы, слышит мученья русских в аду и от страха смиряется. Духи представляются в различных видах: лесной царь мужчина-старик, водяной дух—царь, тоже, «домовая»—женщина, которая живет на печке. Она имеет длинные волосы и любит причесываться. Ей на печку кладут расческу. «Дворовая»—женщина-старуха. Она является почью ввиде голой женщины. Любимую скотину холит. При разделе дома родит. ее переводят в другой дом на роспусках. Верят в летающего змея, который является женщинам в виде мужчины. Злыми духами «бичурь» населены овраги и навозные кучи. В брошеных ригах живут «дейюс»—безногие духи, которые могут только кататься. Среди вихря носится злой дух «Курамшин», он с одной ногой и похож на веретено. Самым сильным духом считается «мамша»—охотник до женщин. Его боятся и приносят ему специальную жертву из блинов и хлеба.

Заканчивая настоящий отчет об экспедиции, не могу не отметить того содействия и сочувствия, которое встречал я и все участники экспедиции среди губернских, уездных и сельских учреждений и самого населения. Вместе с тем, хотелось бы думать, что обширнейший этнографический и фольклорный материал, собранный за 5 лет молодыми этнографами в Саратовском крае и хранящийся в Саратовском Этнографическом Музее в ближайшее время будет опубликован в печати.

Проф. *Б. Соколов.*

Саратов
окт. 1923 г.

Чуваши с. Казанлы, Вольского уезда, Саратовской губернии.

Три статьи, относящиеся к характеристике чуваш с. Казанлы, являются результатом небольшой этнографической поездки музейных сотрудников в это село летом 1924 года. С. Казанла давно уже вызывало этнографический интерес, главным образом, тем, что здесь небольшая группа чуваш совершенно оторвана от других чуваш Саратовской губернии и живет окруженная другими национальностями главным образом, великороссами. Интересно было проследить особенности в жизни этой группы чуваш и отыскать, по возможности, их причины. Незначительные средства, которые мог ассигновать Саратовский Государственный Областной Музей на эту поездку (50 руб.), об'ясняют характер самой обследовательской работы – налетом в 4 дня. Конечно, невозможно было произвести не только исчерпывающее но и более или менее полное обследование в такой срок, потому и была выдвинута часть вопросов, как имеющих первоочередную важность. Характер их определялся исходным моментом поездки, т. е. тем, что она устраивалась Музеем, для приобретения экспонатов в Чувашский отдел. Вот почему и в описаниях главное внимание обращено было на вопросы материальной культуры. Для большей продуктивности работа была распределена между тремя участниками по отдельным вопросам, согласно интересам каждого. Недостаток места в сборнике не позволяет однако, напечатать материалы в том порядке, в каком производилась работа, потому и решено было их перегруппировать по большим отделам..

СТАРОЕ И НОВОЕ.

(Духовная культура).

Казанла образовалась в то время, когда только что начал заселяться север нашего края. Старожилы, может быть и вполне основательно, связывают начало колонизационного потока в наш край с падением Казанского царства. «Как покорил русский царь Казань, татары с чувашами и двинулись на юг». Но как будто возникновение д. Казанлы (а также и других наших чувашских деревень) надо считать несколько позже. Первое известие о с. Казанла мы находим в «1717—1718 г.г. переписных книгах ясашных мордвы и крестьян Пензенской десятины, Узинского стана» [1]). Здесь можно видеть, что деревня Козанлей на речке Козанлее (как она тогда называлась) вместе с другими шестью чувашскими деревнями существовала еще в 1709 г., правда, в очень незначительном количестве дворов и людей. «В д. Козанлей, на речке Казанлее ясашной чуваши 30 дворов, в них 112 чел., а

[1]) См. Юбилейный сборник Пензенского Губернского Статистического Комитета 1901 г., вып. V.

в 1709 г. было 26 дворов—в них 77 чел.» [1]). Это была самая большая из всех чувашских деревень нашего края. Относя самое возникновение деревни назад, можно предполагать его или в конце XVII века, или, самое большее, во второй его половине. Такая дата для нашего очень молодого края является довольно ранней. Можно думать, что чуваши так же, как и мордва, были очень ранними поселенцами в наш край и Казанла среди них была, вероятно, первою. Но нельзя, мне кажется, возникновение Казанлы относить очень далеко от 1709 г., так как и в это время можно наблюдать еще некоторую подвижность, неустойчивость населения. Так, в 1709 же году существовала в Узинском стану, Пензенского у. (т. е. теперешней Саратовской губернии) еще какая то маленькая Казанлея [2]). «В деревне Казанлее ясашных чуваш 5 дворов, в них обоего пола 15 человек (это в 1717—18 г.г.), а в 1709 г. было 13 дворов, в них 43 человека». В промежуток времени между 1709—1718 г.г. север нашего края подвергался нападению кубанских татар, которые грабили деревни, население вырезали, женщин же уводили в полон. Как видно маленькая Казанлея так сильно пострадала от этого набега, что вскоре она и совсем закончила свое существование (ни в одном из последующих документов она не встречается). Население ее или распылилось по другим деревням или целиком соединилось с соседнею какою-нибудь деревушкою. Население же большой Казанлы к 17—18 году увеличивается до 30 дворов и 112 чел. обоего пола в них. Необходимо отметить, что количество дворов не соответствует показанному в нем количеству населения. Не могло же быть в одном дворе 3—4 человека? Количество дворов, так как оно давалось для подворной тогда подати, надо считать точным, количество же людей, как неимеющее особой важности в этой переписи, могло быть и преуменьшено. А если так, то к 1717—1718 г.г. можно считать в 30 дворах Казанлы не 112, а приблизительно около двухсот человек обоего пола. Образование же ее еще и тогда не закончилось. К 1717—1718 г.г. подходит еще население из уездов Чебоксарского, Симбирского и Курмышского в количестве 7 дворов [3]). По этим данным можно отчасти судить—откуда вообще приходило население. И сейчас старожилы говорят, что первые поселенцы пришли из Казанской и Симбирской губернии.

Самое название Казанла, как говорят, было дано первыми поселенцами в память о Казани, т. к. они хотели устроиться по-казански (ла—соответствует русской приставке по). Другие говорят, что оно было дано татарами и означает «в котловине».

Когда окончательно сформировалась деревня, мы не знаем, т. к. дальнейшие сведения о Казанле мы имеем от 1745 г.—II ревизии [4]). В это время в Казанле уже имелось 173 чел. мужского пола, т. е. за 26—27 лет население увеличилось почти вдвое. Если принять во внимание, что естественный прирост чуваш довольно мал (что будет видно из дальнейших статистических сведений), то можно предполагать, что в период между 1718—1745 годами подходило еще население, которое

---

[1]) Стр. 25.

[2]) Она как будто находилась в группе чувашских деревень теперешней Неверкинской волости, Кузнецкого у.

[3]) См. Сборник Пензенского Губернского Статистического Комитета 1899 г., вып. IV.

[4]) См. материалы по колонизации Сараговского края, опубликованные Голомбиевским в Трудах Саратовской Ученой Архивной Комиссии.

и подсаживалось к уже сформировавшейся деревне. В 1762 г.[1]) население вырастает до 368 чел. (194 чел. м. п.+174 чел. ж. п.), т. е. за 18 лет население увеличилось на 12,5%. К 1782 г. времени IV ревизии[2]) в Казанле числится 549 ч. (299 м. п.+250 ж. п.). Дальнейшие данные относятся уже к 1867 г.[3]) к этому времени население Казанлы значительно увеличивается—до 1451 человека и еще больше к 1911 году[4]), когда числилось в Казанле 4299 человек. Дальше цифры уменьшаются и в 1920 году[5]) мы видим в Казанле только 3192 человека. Причины такого уменьшения понятны, т. к. оно падает как раз на годы войны. И значительно уменьшается население к 1924 году до 2681 человека[6]), в чем, конечно, громадную роль сыграл голодный 1921 год и все выходящие из него последствия. Такова внешняя история села.

Сказка III ревизии—от 1762 года дает интересный материал и бытового характера о д. Казанлее. Например, по сведениям, откуда брали себе чуваши жен, можно видеть, что в то время у Казанлы, так же как и у всех чувашских поселений, было постоянное общение между собою, постоянное внутреннее движение, которое почти не выходило за пределы Саратовской губернии. Жены всегда почти брались на стороне. Упоминаются деревни Шняева, Белая Гора, Сосновый Враг, Алешкина, Калмантай, Илюшкина, Неверкина, Илим-Гора, Андреевка, Чербулак, Бикбулатова и Исекеева. Все означенные названия (кроме трех последних) относятся к теперешним чувашским поселениям Саратовск. губ. В Бикбулатове и Исекееве теперь чуваш нет, это чисто татарские села. Однако сказка помечает, что взятые оттуда жены происходили «из чуваш новокрещенок», так что приходится предположить или переселение раньше живших там чуваш в другие места, или их совершенную ассимиляцию татарам. Постоянная пометка к имени взятой откуда-нибудь жены «из чуваш новокрещенка», говорит о большой обособленности чуваш от других национальностей, особенно если принять во внимание, что для того, чтобы взять себе жену-единоплеменницу надо было ехать очень далеко. Ближайшая к Казанле деревня Шняево отстоит на 45 верст, другие же, как Алешкино, Андреевка—приблизительно верст на 70. Близко от Казанлы в это время были мордовские и уже некоторые русские поселения, но, как видно, чуваши предпочитали брать жен у чуваш же. Такую обособленность от инородных соседей, особенно в завязывании кровного родства, можно наблюдать у них и сейчас.

В сказке же III ревизии имеется любопытный материал относительно крещения чуваш. Там всем лицам мужского пола, рожденным до II ревизии дается два имени—прежнее языческое и новое христианское: «Таймашка Истамаев—по крещении Терентий Федоров. У него дети, написанные в бывшую ревизию: Подаш—по крещению Иван, Пайдухан—по крещении Трофим вдов, Таден—по крещении Остафей» и т. д. По этим именам можно, приблизительно, определить самый год крещения. Оно произошло, вероятно, около второй ревизии—в 1746-

---

[1]) См. сказку III ревизии о д. Казанлее, Пензенского у., Узинск. стана в Рукописном Отделения Саратовского Университета.

[2]) См. сказки IV ревизии, хранящиеся там же.

[3]) Артемьев. Списки населенных мест Сар. губернии за 1859 г. изд. 1862 г.

[4]) Списки населенных мест Сар. Губернии. Изд. Сар. губ. Земства.

[5]) Сведения Стат. Бюро о переписи 20 года.

[6]) Сведения даны местным сельсоветом.

1747 г.г. т. к. все, рожденные после II ревизии, имеют уже только одни русские христианские имена. Старики же, умершие около этого времени, имеют, наоборот, одни языческие имена: «Мишка Исенеев. У него дети: Матри, Демка, Сидурай». Ко всем трем пометка: «умре в 1746 году». У некоторых же бывает такая пометка «некрещен умре».

Еще ко времени III ревизии можно набюдать в Казанле большое русское влияние. Среди старых чувашских имен встречается до 33% русских (в то время как в других деревнях среди языческих имен русских встречается процентов 10-12). Например, «Андрюшка—по крещении Андрей же, Федька Абсанаев—по крещении Федор Иванов, Бориска Тимошкин—по крещении Иван Семенов, или: Савандей Иванов, Яшмонь Данилов и т. д. Как видно русские имена давно уже были распространены у чуваш Казанлы. Вот почему может быть они и привились очень быстро после крещения, так что крестившийся уже жил и в своем кругу под новым русским именем. Некоторое количество имен падает на долю татарских: «Рамазан, Ибрайка», часто это даже не татарские имена, а имена образованные от татарских слов: «Бикмурза, Мурзабайка, Ашмурза» и т. д. Можно видеть, что еще в ту давнюю пору чуваши подвергались постоянному двойному влиянию русских и татар, которое они испытывают и сейчас.

Среди старых языческих имен мне встретились такие, о которых и сейчас рассказывает устное предание, приписывая их первым поселенцам Казанлы—Ергуней, Ерендей. Встретилось также несколько имен, от которых, как говорят, происходят старые фамилии в селе. Трока—теперь Трокины, Мрака—теперь Мракины, Ергуней—теперь Ергунеевы, Альженка—Альжевы. Этот факт особенно интересен потому, что имена чувашские почти совсем не повторяются и в сказках III же ревизии о других деревнях я ни одного из них не встретила.

Помимо документальных данных, об истории села рассказывает и устное предание. Надо вообще отметить у чуваш большую любовь к своему селу, к его прошлому, о котором они рассказывают с удовольствием. Мне кажется, можно даже говорить о чувстве национального самосознания, которое имеется в значительной мере у чуваш и которое трудно заметить с первого взгляда[1]).

Первыми поселенцами в этих местах, как рассказывают, были три мордовских князя Сарай, Ризай и Осан. Их владения простирались далеко вокруг. Именами этих князей теперь зовутся три мордовских селения, Ризайкино, Ст. Сарайкино и Осанкино (действительно из документальных данных видно, что это очень старые селения, существовавшие до 1709 года). Потом пришли чуваши. Казанлу образовали четыре поселенца: Юндаба, Хариват, Тарибус и Прдась. Они пришли из Казанской и Симбирской губернии, убегая не то от военной службы, не то от преследования за какие-то провинности. И потому они поселились в лесу. Сначала они даже и не знали о существовании друг друга. Потом как-то встретились на охоте, обрадовались и поселились вместе в лесу, на горе. Когда и вместе жили, еще долго прятались, боясь разбойников (вспомним действительно нападение кубанцев.) На горе деревня просуществовала около 100 лет. Когда чуваши увидели, что Жуковский барин

[1]) Помимо записанных нами, устные предания о д. Казанла печатались в Саратовских Губернских Ведомостях за 1880 г. № 20 Луниным. Они почти тождественны с нашими.

(соседнего села) начал отгораживать их земли, устраивая калду для своего скота, они перенесли деревню вниз по реке, где она и стоит сейчас и отстояли свои лучшие в округе земли. Какое количество дворов было во время этого перенесения деревни—определить трудно, кто говорит 8, кто 10. Вся земля у чуваш была поделена на участки, которые и назывались именем владельца. Названия эти остались и сейчас. Так на границе со Стригаем земля зовется «Карташ-чики»—надел Карташа; есть около села «Ергуней-варе»—овраг Ергунея, «Микитка-варе»— овраг Микитки и т. д. Земли у чуваш было много и земля хорошая. Жили довольно зажиточно. И теперь Казанла живет зажиточнее и благоустроеннее соседней Н. Жуковки—русского села и мордовской деревушки Ризайкино. С мордвой чуваши жили всегда дружно. Мордва ходила с ними на их мольбище, пока туда однажды не явился русский священник с крестным ходом, разогнал их, «разбил капище идольское» и тем прекратил поклонение ему.

* *
*

Как я уже говорила, чуваши в Казанле были крещены около 1746 г., т. е. почти 180 лет тому назад, но остатки их прежней религии живы и сейчас. Свои большие общественные моления они бросили совершать лет 50—60 тому назад, т. е. уже много лет спустя после обращения. Рассказывают, что очень долго по принятии христианства накануне праздников ходил по деревне староста, стучал под окнами и кричал: «завтра праздник» заставляя итти в церковь. Трудно было привыкать к новой религии, церковь была далеко—в Ст. Жуковке, и только много лет спустя перенесли приход в Н. Жуковку, когда выстроили там церковь. Свою же церковь чуваши построили всего 40 лет назад. Может быть потому, а также еще и благодаря стойкости в сохранении старины, которою отличаются чуваши, они сохранили многие черты своей старой языческой религии, живущей в суевериях, так что трудно даже сказать, что у них в жизни имеет большее место христианство или язычество. Как я уже говорила, общественных молений теперь не совершают, но все почти помнят, как они совершались. Наибольшею торжественностью обставлялось весеннее моление о дожде «учук» (большое моление) с принесением в жертву быка или барана. Место моления за селом «учук-варе» показывают и сейчас. Происходило оно в весеннее междупарье. Все в белом, чистом собирались в священном месте. Здесь резали быка или барана, предварительно полив его водой, чтобы узнать угодна ли жертва. Если животное затрясется, считалось, что оно угодно, резали его и варили в больших котлах. В это время все молились. Потом все ели священную пищу, которую раскладывали присутствующим в принесенные с собой деревянные чашки. Когда выстроили у себя церковь—понемногу стали отставать от старой веры, в чем сказывалось и влияние священника. «Очень долго не бросал старых молений дед Альжев. Но однажды он откормил барана, чтобы принести его в жертву во время «учука» и когда стал обливать его холодной водой, баран не затрясся. Он другую кружку вылил, третью—баран все не трясется. Рассердился старик, да как даст ему ногой. Баран испугался и бросился бежать, но задел рогом за оборы лаптя Альжева и потащил его за собою. Ух как рассердился старик, проклял этот «чук» и пошел молиться в церковь».

Показывают место около церкви, где находилась священная роща «кереметь». В Казанле совсем не помнят керемети—злого божества (у других чуваш Саратов-

ской губернии эти представления есть и иногда довольно яркие). Словом, кереметь здесь зовут самое место моления—дубовую рощу. Некоторый страх перед кереметью остался у чуваш и сейчас. Когда совсем недавно вырубали рощу, то бревна продали на сторону, никто не решился сделать из них сруба. Да и теперь: хоть многие и смеются, но никто не осмелится, напр., осквернить чем нибудь это, бывшее когда-то священным, место, так свежа вера в то, что кереметь не простит и нашлет за это какое-либо наказание или болезнь. Молились керемети в священный месяц октябрь. Старики предварительно ходили в баню, одевали все чистое, белое. В рощу несли с собой «юсман»—тонкие лепешки и «кажалу» толстые, сдобные, на которых делали столько сборочек, сколько в доме человек и мазали их медом; приносили с собой и медные деньги. Молились здесь о здоровьи и семейном благополучии. Главным же образом моление керемети совершалось тогда, когда случалось какое-нибудь несчастье. Если кто-либо заболевал, то отправлялся к ворожее, она гадала какой кереметь наслал болезнь и назначала что ему надо в жертву. Ночью она в сопровождении больного или одна шла в рощу. Там оставляла жертву и молилась так: «Сирлах, старший добро, средний добро, младший добро. Помилуй боже и богородица. Лошадь каряя, рыжая, кто берется за повод —«волумчи валты таган» — «белый свет, богородица помилуй» (так с трудом перевела знахарка Айдарова слова молитвы).

Наиболее популярное божество у чуваш, вера в котораго, как мне кажется жива и сейчас, это «йерĕх»—божок правосудия. Записи, сделанные о нем в Казанле, интересны тем, что они лишний раз подтверждают несомненность существования у саратовских чуваш идолопоклонства. Сейчас в селе йерехов уже нет (если только не обманывают, боясь его наказания), но все почти помнят и знают этих божков, Йерех—это куколка из тряпок или из дерева одетая в женское или мужское платье, которую сажали в ящик или корзину и прятали в укромное место—под амбар, под ворота, или в чулане. Места, где хранились йерехи, почитали. Считалось, что если кто, проходя мимо, изругается или осквернит священное место еще чем-либо, то наносит тем самым величайшее оскорбление йереху, за которое он непременно отомстит. И сейчас еще побаиваются тех мест, где когда-то хранились йерехи. Почти у каждой семьи был свой йерех, у группы же дворов или у целого конца села был высший йерех—«тюри». Чем старее был йерех, тем больше его почитали. Когда брали невесту не из своего села, она обычно привозила с собой своего йереха, но ему здесь почета не было, кланялись своему старому, невесткин же валялся где-нибудь в углу под кроватью. Йереху молились в том случае, если кто заболевал, а также когда один чувашенин был обижен другим. Тогда он шел к йереху, махал перед ним три раза палкой и говорил: «возьми его, возьми его», а в то время обидчик уже заболевал. Йерех насылал мелкие глазные болезни, прыщи, чирии и т. д. Если кто таким образом заболевал, то уже знал, что это от йереха, шел к знахарке, та отгадывала какой йерех на него сердит и какую ему нужно за это жертву: юсманчики, черную или белую курицу, человеческую фигурку из теста или еще что. Принеся жертву, больной ставил ее около йереха и говорил: «Спрлах (помилуй) откуда напал на меня, от ругани мужчины, женщины или девицы; сирлах, чтобы я очистился, помилуй болезнь с головы Степана. Старший над тюри, тебя угощаем пряниками—(чуклесь)». Многие и сами знали, знают и сейчас, как избавиться от наслания йереха. Иногда делали по лицу больного снимок из теста

и бросали его в воду. Жертву несли обязательно ночью, чтобы никто не видал. Последних остававшихся йерехов истребил на памяти многих дед Пакин. Он сам долго был ревностным поклонником йерехов и керемети, но к концу жизни под влиянием священника сильно изменился и однажды в полую воду обшарил все закоулки, вытащил всех йерехов и побросал их в реку. Несмотря на то, что сейчас уже не существует самых идолов, некоторое почитание их еще живет. Один чувашенин рассказал нам такой случай. Брат его вот недавно омочился в том месте, где хранился раньше йерех. Через несколько времени он заболел и поправился только после того, как пошел и поклонился тому месту. Женщины и теперь все боятся, когда кто сердится и бранится, т. к. это зло йерех может перенести на кого-нибудь в виде болезни.

Очень живучи у чуваш мелкие божества как «херсурт»—домовой, «вудаш»—водяная женщина и др., какими в сущности полны представления и русского крестьянства. «Вудаш» —это водяная женщина, белая, полная, красивая, с длинными черными волосами. Говорят, раньше пастухи их ловили, зная особое средство, и женились на них. Род Еленевых в Казанле, говорят, происходит от вудаш—у них и сейчас полные белые женщины с красивыми черными волосами.

Божество, которое почитается у чуваш и сейчас—это «хертсурт». Его иначе зовут русским именем—домовника. Но, несомненно, он от русского домового отличается. В других чувашских селах Саратовской губернии хертсурт—это она, божество, живущее в печке, хранительница огня. Ей молятся, чтобы она оберегала от пожаров «не выходила на прогулки» (записи д. Н. Лебежайки). И в Казанле хертсурт связан, гл. обр., с хозяйками и живет под печкой и около печки. Молятся ему только женщины. И сейчас еще старухи «тишком» варят специальную мучную кашу и приносят ему в жертву. Своего хертсурт стараются охранить. Если услышат в трубе визг, писк, значит пришел чужой хертсурт и обижает своего. У чуваш с. Казанлы вообще можно наблюдать некоторую руссификацию—и в частности тоже самое можно сказать относительно представлений о хертстурт. Здесь он также считается охранителем скота, если ему скотина нравится, то он холит ее, бережет, если же не нравится, то мучает—скотина плошает, тощает и тогда стараются ее скорее продать.

Показывали нам в селе «вабар» ведьму. Говорят, что это она ест луну, когда бывает затмение. Тогда все выбегают на улицу, разламывают деревянные вилы и подбрасывают их вверх. Говорят также, что ена ходит ночью по домам, душит людей и пьет у них кровь. Старик Пакин вспоминал, как мать его выгоняла вабар. Бывало она услышит, кто кричит и стонет во сне, скорее встанет, поставит на порог горшок с горящими углями, а сама пойдет во всех углах веником махать. Таким образом, можно, говорит, сжечь вабар на углях, когда она пролетит в дверь.

Представленные мною черты религиозной жизни чуваш являются не столько воспоминанием прошлого, сколько его современным пережитком. В этом отношении с. Казанла чрезвычайно интересно. С одной стороны мы видим здесь атеистов (или покрайней мере людей, старающихся отрешиться от всякого рода религиозных представлений). В Казанле имеются и члены Р. К. П. и особенно много молодежи комсомольцев. И из числа непартийных встретились совсем неверующие чуваши и, как будто, даже сознательно отрешившиеся, напр., от веры в божественное происхождение Христа. Таков Пакин. Атеистом же показал себя и Алексей Моргунов. Пакин,

рассказывая о знахарках и смеясь над ними, все время сопоставлял их со священниками: «разве не все одинаковы?» Но большинство населения набожные христиане, особенно выделяются, конечно, старики. Многие перестали пускать девочек в школу с тех пор, как там перестали преподавать закон божий. Когда я одному старику начала говорить, что ведь школа-то построена для того, чтобы просвещать разум, а не веру, он рассердился: «Ну нельзя двум господам сразу служить, а уж бога мы знаем!» Мальчиков же в школу пускают, считая, вероятно, невозможным этот более подвижной элемент удержать под своим влиянием. Старики, отрешась от языческих воззрений сравнительно недавно, теперь как бы испытывают особое поднятие религиозного христианского чувства. Вот почему сейчас в Казанле вопросы религиозные переживаются особенно остро. Многие старики перестали разговаривать с учительницей, к которой раньше относились с большим уважением, сердятся на нее за то, что она не ходит в церковь. Наконец, особо стоит группа старух, особенно знахарок (надо сказать, что женщины являются наиболее консервативным элементом), у которых совершенно перепутаны христианские воззрения с языческими. Так в заговорах Айдарова рядом с тюри упоминает имя богородицы. И даже больше. Кто поверит, например, факту, что летом 1923 года напуганные предыдущим голодом в сельсовет явилось двое стариков с заявкой о том, что надо купить общественного быка для принесения его в жертву на давно оставленном моление «учук» о дожде. Они изверились в действии молебнов и решили применить испытанное средство дедов.

Наблюдения в Казанле были особенно интересны тем, что здесь имелась возможность видеть одновременно такие факты религиозных воззрений, которые у других народов и при спокойном течении жизни растягиваются на долгий промежуток времени. Большим толчком в движении вперед, но не всего населения, а его отдельных групп явилась, несомненно, революция. Во многих изменениях старых языческих обрядов сказывается, как мне кажется, и русское влияние, которое в Казанле сильнее, чем у других саратовских чуваш. Некоторые старые религиозные обряды утратили специфическое свое значение и обратились в простой обряд-игру. Так, «сюмюрчук» прежнее моление о дожде с обливанием водой и принесением в жертву воробья или утки (запись Петровского у.) в Казанле перешли исключительно к молодежи. Здесь от всего обряда осталось обливанье водой, которое устраивается ребятишками летом. А некоторые и всякую детскую игру с обливанием водой называют «сюмюрчук» или даже «учук».

В религиозных воззрениях чуваш обычно большое место занимает культ мертвых но и в этом отношении Казанла отличается от других саратовских чуваш значительным русским влиянием. Например, все почти чуваши еще недавно справляли интересный обряд на второй день Пасхи, когда считалось, что к ним с кладбища приходят покойники. Днем чуваши их угощали, отламывая от пищи и отливая от питья в решето, которое ставилось на виду. А ночью с криком, визгом и пляской, с прутьями в руках выгоняли «родителей» опять на кладбище. В Казанле этого обряда не справляют. На второй день Пасхи ходят просто на кладбище, закусывают сами и понемногу оставляют на могилах—«угощают родителей».

По русски справляются и многие праздники. На масляницу много гуляют, катаются на лошадях, едят рыбу, блины, зайца и национальное кушанье «кукли»

(вроде пельменей). Много пьют браги. Под Новый год девки и парни «ссыпаются» — устраивают вскладчину вечеринку. Снимают у какой-нибудь вдовы избу, готовят всякие кушанья и брагу, а вечером устраивают пир. Девки потихоньку выбегают в хлев гадать. На святки же все гадают: девки о женихах, старики об урожае и хозяйственном благополучии.

Обряды, сопровождающие главные моменты жизни человека, связаны теперь целиком с церковью. Рожденье ребенка отмечается многочисленными приметами. Происходит оно обычно в натопленной бане с помощью бабки. (Хотя в Казанле при больнице имеется необходимый медицинский персонал). Младенца поливают из кружки холодной водой, приговаривая: «цыган холода и жара терпеть должен, привыкать с малых лет». И на другой и на третий день проделывают то же. До крещения его никак не называют, или зовут «мурзой». У кого дети не живут, тот старается хорошенько выбрать куму и кума Отец ребенка выходит на улицу и приглашает первых, встретившихся ему мужчину и женщину, только непременно надо, чтобы они были из разных концов села. Или выбирают их так, чтобы они имели имена родителей ребенка. Во время самого крещения кум старается закатать в воск волосы, остриженные священником и бросает их в купель. Кума смотрит если шарик потонет, ребенок помрет; если всплывет—доживет до старости. Дома устраивают пир. Сходятся гости. Матери младенца приносят подарки. Когда подают последнее кушанье—кашу, один из гостей покрывает блюдо тарелкой. Тогда кум, вынимает деньги: «вот Ивану дугривенный» в первый раз произносит имя ребенка. За ним все гости кладут деньги. По окончании торжеств куму, куме и бабке дается по маленькому хлебцу. Бабка все это время является наиболее почитаемым человеком.

При проводе рекрутов поется много специальных песен и исполняется причитаний. Перед от'ездом рекрута обходят своих родных и получают от них подарки. Когда от'езжающий готов бывает сесть в повозку, мать благословляет его через окно, а он целует ее в грудь.

Самый сложный и торжественный обряд это, несомненно, свадьба. К сожалению, я здесь не имею возможности привести полностью старинный обряд. Остановлюсь только на некоторых его моментах. Сватовство начиналось обыкновенно осенью, свадьба же игралась весной на «семик». После того, как бывали засланы сваты, совершалось «рукобитие» и «запой», где сходились на кладке. Кладка бывала в 100—150 р. деньгами, помимо вещей. Старики пировали в доме невесты: невеста же с подругами попозже, чтобы никто не видал, запрягали лошадей и выезжали кататься. Перед выездом пелась особая песня «ласточки». К девушкам скоро под'езжал жених с товарищами, который старался отбить у девушек невесту. Потом он сажал ее рядом, а парни разбирали остальных девушек. Так угощаясь семячками, орехами, конфетами, катались до зари. Накануне свадьбы невеста ходит обычно в баню. С утра на другой день она уже начинала собираться. Ей в одежду втыкали иголки, которые она, под'езжая к церкви, бросала налево—колола глаза колдуну. Под пятку ей сыпали золы от сглаза. В церковь и сейчас едут прямо, быстро, нигде не сворачивая. Обратно едут вокруг села. Заезжали сначала к жениху, там немного гуляли; и невеста ехала домой. Родственники невесты раз'езжались по селу с колокольчиками, приглашая родных на свадьбу, которая собственно начиналась только с этого момента: К вечеру у жениха собиралась женихова родня,

у невесты – невестина. Отец жениха распределял обязанности, назначал правителя свадьбы «манкерю», давал ему все полномочия и плетку в руки. Здесь же выбирался казначей и особый парень в свите жениха, который должен был носить за женихом подушку, т. к. жених, боясь сглаза никогда не садится прямо на скамью. Наконец составляют поезд и едут в дом невесты. Их уже ждут девушки, которые пропускают гостей через ворота и дверь только получив выкуп. День или два пировали у невесты и ее родственников. Невеста все время находилась под покрывалом. Утром, наконец, забирали ее добро и отвозили к жениху. Отец жениха принимал отчет от распорядителя свадьбы и казначея и все ждали невесту. Она же в это время обходила родственников, прощалась с ними и получала благослевония. Дома ей последний раз давали есть мед. Родители благословляли ее, наставляли и везли к жениху. Там целый день пировали. Вечером молодых уводили в клеть, где было сложено имущество невесты, и запирали. Недалеко оставался брат невесты, или еще какой родственник, который и караулил ее всю ночь. Утром сваха свидетельствовала невестину рубашку, били горшки и опять пировали.

В старину девушки поздно выходили замуж лет 20—25. Их жалели отпускать из дому, как работниц, да и старались набить побольше цену. У кого не было сыновей, тот особенно долго держал дочь: «это у меня старая копна» и как бы берег про черный день. Прежний свадебный обряд мало был связан с церковным. Венчанье происходило или до свадьбы или много времени спустя после заключения брака. Беднота же и в прежнее время женилась самокруткой. Сваха, посланная женихом, подговаривала невесту, передавала ей от жениха 10—20 рублей и та потихоньку, в условное время, убегала к жениху. Родители немного посердятся, требуют ее обратно, но потом обычно мирятся, берут с жениха немного кладки и устраивают небольшое гулянье. Современная свадьба (во время революции) происходит исключительно таким образом. После обычно венчаются в церкви. Казалось бы от такого обряда легко перейти к гражданскому, но влияние церкви все-таки велико (и особенно увеличилось перед Революцией), так что церковный обряд непременно совершается. Недавно произошел такой случай. Одна девушка вышла самокруткой за комсомольца. Через некоторое время, когда произошло примирение с родными, она захотела обвенчаться в церкви, но муж отказался. Никакие настояния не помогли и она снова ушла к своим родителям. Женщины у чуваш очень дороги. Своих девушек не хватает. Со стороны у инородцев брать не хотят, т. к. «хорошая не пойдет, а плохую и самим брать не хочется». Только самое последнее время начали брать из соседней мордовской деревушки.

Совсем еще недавно чуваши жили огромными семьями. У деда Пакина было 6 сыновей, все женились и жили вместе до тех пор, пока не женился старший внук. Тогда только разделились. Семьи были такие, что жили часто в двух избах. 26 и больше ложек подавали на стол, когда садились обедать. Управлял семьею старший, он же и назначал всех на работу. Свекровь распоряжалась у печки, старшая сноха ей помогала. В отношениях к старшим поддерживалась большая строгость. Невестка не могла появиться перед свекром, свекровью или деверем с раскрытой головой или босыми ногами. Это нехорошо, непочетно для них. Если же кто, хотя бы и случайно, увидит ее таким образом, то она должна искупить свою вину особым подарком «парни»—свекру на рубашку, свекрови на «сурпан».

Еще невестой при благословении родителей перед отъездом в дом мужа, девушка получала такое наставление: «если голову пробьют—пусть под сурпаном останется, руку расшибут—пусть в рукаве останется, ногу расшибут—пусть в чулке останется». Трудно было снохе особенно первое время в доме мужа. Вот как об этом поет свадебная песня[1]): «Как угодить чужому человеку». Утром, когда пойдешь за водой, если почерпнешь полное ведро—скажут ведра гниют, если почерпнешь половину—скажут силу жалеешь. Когда метешь пол посмотри, что в сору. Собери сор, если что увидишь, не неси в шабры, а оставляй дома. Что случится в семье никому не рассказывай».

Я уже отмечала, что в культе мертвых у чуваш Казанлы заметна большая доля руссификации. Таже самое можно сказать и относительно обряда похорон. В Петровском уезде напр. помнят, как раньше в день особых поминок «йуба», которые совершались осенью, в лесу срубали дерево (для женщины березу, для мужчины дуб и делали из него чурбан с изображением человеческого лица. Чурбан этот привозили домой, одевали в одежды покойного и плакали над ним, всю ночь пировали, а утром везли чурбан на могилу. Впоследствии чурбан этот заменился крестом, над которым совершали те же самые обряды. Таким образом у них на могилах бывает по два креста, один ставится сейчас же посл похорон, другой во время поминок «йуба». В Казанле ставится один только крест (для женщины липовый, для мужчины дубовый) но не сейчас же после погребения, а во время поминок «йуба». Прежде чем поставить крест на могилу, его везут в дом, где жил покойник, и оставляют там на ночь. Утром пируют. Готовят блины, кутью, пшенную кашу и брагу. Потом везут крест на могилу. Гробы раньше делали долбленые из целого дерева, потом стали делать из досок, перевязывая их лыком. Гроб с покойником раньше ставили около печки, где теперь ставится лохань. На поминках зажигали свечи, для новоумершего целую, для раньше умерших огарки. Всю ночь гуляли, пили вино и брагу, и все время следили за свечами; которая раньше догорит, значит тот покойник торопится, уходит. В середине потолка привешивали за гвоздь пояс новаго покойника. Как только замечали, что пояс качнулся—поднимали общий рев (значит покойник отходит) начинали с ним прощаться. На другой день тело с плачем несли на могилу. Теперь поминают главным образом на 3-й, 9-ый и 40-ой день. Топят баню, как бы приглашая покойника мыться, а сами поддают пару, хлещут вениками. После и сами вымоются. В эти дни готовят разные кушанья и приглашают родственников. Самое время поминок «йуба» теперь изменилось. Поминают умерщих в «родительскую субботу». Во время пира каждый отламывает кусочек пищи и бросает в особую чашку: «вот вам хлеба, вот вам каши, вот вам браги. Будьте довольны, не гневайтесь на нас!» Пищу эту выносят на крышу сарая чтобы с'ели дикие птицы. Полный обряд мало кем справляется и бытует исключительно обряд церковный.

Но что несомненно очень живо и сейчас—это вера в заговоры и средства симпатического лечения. В Казанле есть больница и ветеринарный пункт, но пожалуй большим авторитетом пользуются знахарки «йумеи». От незначительных же болезней лечатся сами. Когда мы спросили о заговорах у группы молодежи, нам сразу сообщили несколько. Гораздо больше знают их специалисты. Так на самом конце села у речки в маленькой избушке живет Прасковья Никоновна Айдарова—

[1]) Подлинника песни не привожу по техническим соображениям

старуха около 70 лет. Она не имеет других достатков кроме своего ремесла, но живет безбедно и пережила голодный 1921 год. Нам пришлось быть у нее поздно вечером. Огня у ней нет и мы зажгли свою свечку. Прасковья Никоновна гадала нам, не болен ли кто какою болезнью. Положила на колени доску и на них 3 кусочка хлеба. Привязала к нитке еще один кусочек хлеба и сидела согнувшись над доской до тех пор, пока нитка с хлебом не закачалась. Тогда она стала сначала медленно, потом все быстрее раскачиваться в такт с движением нитки и вместо шопота, стала все громче и громче говорить, пока совсем почти не закричала. И после этого об'яснала, чем гадающий болен. В полутемной комнате, сморщенная со слезящимися глазами, она производила жуткое впечатление. Таким же точно образом узнается какой йерех наслал болезнь. Под каждым кусочком загадывается особый йерех и куда качнется нитка, тому и надо нести жертву. Считалось, что мог наслать болезнь и кто-нибудь из умерших, ему тоже надо было нести жертву. Всех заговоров и средств лечения я здесь привести не смогу. Их записано много и В. П. Воробьевым и мною. Огромное количество осталось еще и не узнано. Показывали нам и маленькую старушку-колдунью «тухатамыш»—она как будто умеет изводить людей и присушивать. Но нам она не сказала ничего.

Следующий вечер мы провели в совершенно иной обстановке, которая, однако, заслуживает такого же внимания. Нам удалось наблюдать интересный тип крестьянина—пролетария. Алексей Моргунов, 45 лет, родился и вырос в селе Казанла. Здесь он и женился, но жил только периодами, т. к. постоянно уезжал на сторону на заработки. Работник он все время в семье был один, хозяйство вначале шло неважно, и вот приходилось подрабатывать. Отлучался он обычно не надолго. Все тянуло домой. Среди односельчан Моргунов пользуется большим авторитетом, как человек бывалый. Познакомившись с нами, он первым долгом начал просить прислать ему книги и не для одного себя. Прочитав что-нибудь, он всегда рассказывает собравшимся вечером около него чувашам. С малых лет уже он имел большую жажду знаний. «Когда женился, тоже не было времени читать, по бедности. Ночью, бывало, сижу читаю, а жена ругается—спать ей не даю. Книги старался собирать везде, где можно было. Если бы близко было, если можно было хоть ночью после крестьянских работ часа на 2 попасть в Саратов. Пешком бы за 20 верст бы пошел—стал профессоров слушать». Когда мы уходили он все справлялся, нельзя ли его записать «членом Университета». В Казанле Моргунов несет некоторую просветительную работу. Он особенно настаивал устроить избу-читальню и по ее открытии все время ею заведывал. Книг в читальне немного. Содержания больше политического и революционного. Их очень берегут и на дом читать не выдают. Больничные врачи дают в эту читальню газеты, которые они получают. Функционирует читальня, главным образом, зимой—в свободное у крестьян время. Посещает ее довольно большое количество и уже определенных посетителей. Во время наступления банд, Моргунов с риском для себя прятал книги, дорожа ими больше всего. Его самого интересует, главным образом, вопросы общественные и вопросы мироздания. Еще до Революции он плохо верил в то, что бог мог сотворить мир в 6 дней. Теперь эти сомнения в нем утвердились. На наш вопрос об его отношении к революции Моргунов отвечает так: «Раньше на многое были завязаны глаза—теперь они открыты. Для меня же важна революция хотя бы тем, что теперь никто не имеет права смотреть на меня не как на равного. Но не всеми благами революции поль-

зуются, да и не умеют ими пользоваться. Выберут председателя, если неправится— сменить его не могут—боятся. Больше всего изменилось с революцией положение женщины. Они ведь раньше рабами были. А теперь все равны. В случае чего — она может обратиться в женотдел. Я уверен, что женщина вполне может быть равна мужчине и только воспитание ее портит. По уму она может быть руководительницей какого угодно дела. Но и женщины не все пользуются правами, которые им дала революция».

Моргунов, пожалуй, самый обруселый в Казани человек. Но и ему, как мне кажется, одинаково присуще чувство национального самосознания. Как он хвалил нам чувашские песни! И потом вместе с женой, действительно, очень хорошо исполнил несколько.

Т. Акимова.

ВНЕШНИЙ БЫТ.

В настоящей статье автор дает краткое описание «материальной культуры» чуваш с. Казанлы, Вольского уезда, Саратовской губернии. Недостаток места не дает возможности останавливаться на некоторых деталях, а так же делать сравнения с материалами из других мест.

Село Казанла расположено в ЮЗ. углу Вольского уезда на р. Казанле. От ближайшей ж. д. станции Барнуковки село отстоит на 7 верст, а от уездного города Вольска—на 60 вер.

Население с. Казанлы состоит исключительно из чуваш, если не считать женщин, взятых в замужество: мордовок около 30 чел. и русских—около 10 чел. Численность населения на 1924 г. равняется 2681 чел., обоего пола. Из данного числа трудоспособных (в возрасте от 18 до 60 лет): мужчин 594 и женщин 649 чел. Остальное число приходится на долю стариков и детей. Число хозяйств равно числу дворов 637. Общее благосостояние крестьян определяется наличием рабочего скота—лошадей. Безлошадных 415 хоз., в том числе вдовьих—74 хоз.; по $^1/_2$ лошади имеются в 24 хоз.; по $^1/_4$ лошади имеются в 1 хоз.; по $^3/_4$—1 хоз.; по 1 лошади имеется в 188 хоз.; а по 2 лош. в 3 хоз.[1]).

До момента укрупнения волостей в селе находился В. И. К., теперь же оно является рядовым селом, с сельсоветом.

В селе имеется ячейка Р. К. П. (б) из 6 членов: чуваш—2 чел., мордвы—3 чел. и великоруссов—1 чел. Организовалась ячейка в 1919 г. Ячейка Р. Л. К. С. М. состоит из 15 чел.; чуваш—8 чел., мордвы—4 чел. и великоруссов—3 чел. Организована ячейка в 1922 г. Обе ячейки об'единяют крестьян с.с. Казанлы, Нов. Жуковки и дер. Ризайкино

В селе есть кооператив из 120 членов и сельско-хозяйственное товарищество из 130 членов[2]).

Имеющаяся бывшая земская больница обслуживает огромный район, штат ее состоит из 4 чел. квалифицированных работников.

Школьных зданий в селе два, действует одно—бывшая школа для мальчиков. Мальчиков в школу посылают охотно и грамотность среди них почти общая. Среди допризывников 1903—4-5 г. неграмотных не оказалось. Школа для девочек закрыта потому, что девочек в школу не пускают из-за того, что там не преподают закон божий. Действующее школьное помещение, кроме того, приспособлено под Пардом: имеется сцена и две-три декорации.

Внешкольная, культурно-просветительная работа, ведется «кружком самообразования» при культпросвете, совместно с местной интеллигенцией: учителями и

[1]) По сведениям из «Посе́ленного списка», имеющегося в сельсовете.

[2]) Сведения получены от завед. кооперативом на 1 сентября 1924 г.

Примечание. Все чувашские слова в данной работе читать с ударением на последнем слоге, ввиду отсутствия соответствующего шрифта в типографии.

Автор.

медработниками. В Пардоме ставятся пьесы, рекомендованные Главполитпросветом, доклады и лекции на научные и политические темы.

Газеты выписывают, главным образом, члены сельсовета и ячеек. Выписывают: «Бедноту», «Крестьянскую газету», «Центральные Известия», «Советскую деревню» —по 3 экз. и «Луч правды» —15 экз. Из журналов выписывают чувашский журнал из Москвы. Школьная библиотека книгами не пополняется. Новых книг никто не получает.

Село расположено в лощине, по дну которой протекает р. Казанла. Окружающая село местность, по устройству поверхности, состоит из чередующихся возвышенностей и долин. К З. и С.-З., верстах в трех, на возвышенности имеется лес смесь лиственного с хвойным. Некоторые другие возвышенности, напр. Южная, имеют следы бывшего на них леса. Течение р. Казанлы извилисто и в самом селе испорчено прудами и плотинами. Из урочищ сохранили названия следующие: «Юрепэ вари»—Тюринский овраг: «Чуреть вари»—Красный овраг. Здесь жил «чуреть», который имел деревянную соху с деревянной однобокой палицей. Он пахал только верх горы. «Хор Казанла»—Сухая Казанла: «Охваня серьми»—лесная речка, которая сливаясь с «Кулик серьми», образует р. Казанлу. «Учук варь»—овраг против Тюринского оврага [1]). По преданиям, местность, где теперь стоит с. Казанла, раньше была болотистая, окруженная большими лесами, в которых в изобилии водились медведи и волки, одолевавшие первых поселенцев [2]).

Расположено село с З. на В. по обе стороны реки правильными порядками. Некоторые улицы, на правой стороне реки, имеют по одному порядку усадеб, тогда как на левой стороне усадьбы расположены в два порядка. До 1879 г. расположение улиц в селе было несколько иное: все улицы по правую сторону реки имели по одному порядку, и левобережные—по два. Левобережные улицы считаются более старыми по времени основания.

Дорога, идущая из с. Стригая в дер. Ризайкино, делит село на две части-западную и восточную. Улица, по которой проходит эта дорога, имеет два названия: «Стригайская»—до средины села со стороны с. Стригая и «Ризайкинская»—со стороны дер. Ризайкино. Остальные улицы расположены вдоль реки и тянутся одна параллельно другой. Из названий улиц привожу только несколько, с переводом на русский язык, как переводят сами жители с. Казанлы. «Стонварь косы» - Истонкина улица; «Мая косы»—Мешковая улица; «Хызялды рам»—задняя улица «Кашкар касы»—Волчья улица и т. д.

Крестьянские усадьбы выходят на улицу исключительно узкой стороной и согласно правил о застройке, через каждые 4 усадьбы, отделяются проулком.

Прилагаемый план, на рис. № 1, дает представление о расположении построек внутри усадьбы. Материал для хозяйственных построек употребляется различный. Конюшня делается всегда из чернолеса и представляет из себя сруб с полом и потолком, но без крыши. Крышей служит крыша сарая. Хлев для корма скоту делается или из мелкого чернолесья, или из плетня, обмазонного глиной. Самостоятельной крыши также не имеет, а помещается под крышей сарая.

---

[1]) Из-за недостатка места помещаю только одни названия урочищ, без комментариев. Шрифт для печатания употребляется русский.

[2]) Подробно материалы об основании села помещены в статье Т. М. Акимовой, в этом же сборнике.

Хлевы для скота сделаны из плетня. Мазанка делается из плетня или глины. Имеет потолок и крышу, которая часто примыкает к крыше сарая. Весь двор обнесен плетнем, который в некоторых случаях обмазывается глиной. Пространство вдоль стен двора, не занятое хозяйственными постройками, носит название «Сарая», если покрыто крышей; в противном же случае наз. двором. Крышу сарай имеет всегда соломенную «в накидку», которая держится на «сохах» Погреб раньше устраивался под открытым небом, а теперь делается всегда под сараем.

Ворота делаются всегда из теса и часто с маленькой крышей, которая захватывает и калитку. Ворота бывают исключительно одностворчатые, на петлях. Калитка всегда находится между избой и воротами. Амбары всегда делаются из чернолесья, имеют пол и потолок. Ставятся над землей на поларшина на камнях. Крышу имеют соломенную «в накидку», четырехскатную.

На приведенном плане не помещены встречающиеся еще хозяйственные постройки: половня и баня. Первая всегда находится на гумне и служит для хранения мякины или колоса. Стены имеет плетневые, а крышу соломенную, четырехскатную. В одной из широких сторон сделаны одностворчатые, тесовые ворота, которые служат входом. Бани располагаются преимущественно по берегу реки. Делаются они или из мелкого чернолесья, срубом, или из плетня, обмазанного глиной. Каждая баня имеет предбанник, из плетня или чернолесья, с дверью или без двери. Крышу имеет плоскую или четырехскатную, соломенную или земляную. Внутреннее расположение бани таково: в средине стены, выходящей в предбанник имеется низкая дверь, открывающаяся в предбанник. Налево от двери, в углу, устраивается «полок», а в следующем, дальнем, углу помещается печь—каменка, которая топится «по черному»: дым выходит через дверь. В правой, от входа, стене проделано маленькое окошечко, под которым устроена скамья. Баня имеет пол и потолок. «Полок» и печь занимают почти половину бани по длине. Размеры бани следующие: в длину—3,2 м.; в ширину—2,9 м.; в высоту—1,76 м. Вода для мытья нагревается или в горшках в печке, или же в кадушке, при помощи раскаленных камней.

Избы в усадьбах располагаются по разному—вдоль или поперек. Более распространенным надо признать прием постановки избы вдоль усадьбы в одном из углов. На рис. № 2 представлено наиболее типичное положение избы в усадьбе.

Данная изба куплена в готовом виде, т. е. собственно сруб, в Кузнецком уезде, Сарат. губ., в с. Андреевке, у чуваш, которые занимаются тем, что рубят избы для продажи. Стены избы сделаны из сосновых полубрусьев, рубленных «в угол». Изба стоит на фундаменте, высотой 1,10 м. Под первым венцом («Первачи пренэ») поставлены по углам более толстые, а в средине потоньше—столбы—в количестве 12 шт. Пространство промежду столбами заполнено мятой глиной с соломой. На первый венец положено три «перерубa», идущие поперек избы, и порог. Под «перерубы» поставлено по три тонких столба, для прочности. Потом были положены остальные венцы, количество которых зависит от толщины леса. На предпоследний венец положена «матка», на которую настлан потолок. После этого кладут последний венец («Тираты даган»). Потолок засыпается землей. Пол у изб всегда из досок и направление имеет всегда от двери к передней стене. Входная дверь избы всегда открывается наружу в сени или в кухню, а дверь со двора—всегда открывается внутрь. Двери всегда бывают из досок, скрепленных при помощи планок, и висят всегда на железных петлях. Окна имеют рамы из 6 звеньев, раздвижные и створ-

чатые. Зимние рамы вообще встречаются редко. Данная изба имеет двустворчатые ставни и наличники, простой работы.

Крыша у данной избы двускатная, соломенная, «лбом» выходит на улицу. У изб, стоящих поперек двора, двускатные крыши выходят на улицу одним из скатов. Покрыта крыша соломой «в накидку», без глины. На стропилы сначала кладутся слеги, затем хворост и потом—солома. Солома сверху укрепляется слегами, которые лежат толстыми концами вниз. Впереди, на торчащие концы, лежащих на стропилах, жердей, надеты лестницы («Чикь-мекь»), для защиты соломы от раздувания ветром. Самый перед под крышей забит досками. В случае отсутствия досок перед заделывают соломенным щитом. Данная изба имеет, ничем не украшенный, карниз. У других же изб, хотя в незначительном количестве, встречаются на карнизах выпиленные украшения. Со стороны двора к избе пристроена кухня. Стены ее сделаны из мелкого чернолесья и обмазаны глиной. Потолок сделан из слег, а пол из досок. Сеней данная изба не имеет. Наибольшим распространением пользуется тип избы, изображенный на рис № 1, состоящий из сруба и пристроенных сеней. В кухне находится печь, сложенная из кирпичей [1]). Подпечка служит входом в подполье, где хранятся овощи.

Такой выглядит изба и усадьба крестьянина середняка. Усадьбы более богатых имеют большее количество надворных построек, сделанных почти всегда из того же материала. Изба более богатого отличается прежде всего размерами, а затем качеством материала и отделкой, внутренней и наружной. Крыши у более богатых бывают тесовые или железные.

Переходя к описанию домашней утвари, можно отметить, что она не красочна и вполне приспособлена к хозяйству и к жизни земледельца. Ненужных, т. ск., вещей, мы среди домашней обстановки не встретили. Чугунный котел «хурăн» употребляется для варки пищи во время полевых работ. Плошка и жареха глиняные для кортофеля, молока и т. д. Кувшин, глиняный с высоким горлом и ручкой, для квасу и воды, берется на полевые работы. Солонка, деревянная, часто в форме ящика с высокой спинкой, с крышкой. Лукошко «Куритĕ», из луба: к лубковым стенкам пришито мочалой лубковое дно. Служит для пошенья корма скоту и для грибов. Сундук «Арчă» из луба. Крышка и дно сделаны из дерева. Служит для хранения одежды. Скребница «хырчăк», сделанный из деревянной колодки и полосок жести, вырезанных зубчиками. Служит для чистки лошадей. Коромысло березовое, изогнутое, на концах имеет зарубки для ведер. Корытца «Валашка», долбленые из целого дерева или сбитые из досок, служат для корма и воды для мелкого скота. Ступа «Киль» из толстого обрубка дерева, двух видов, поставленного вертикально или положенного горизонтально: первая для выделки пшена, а вторая—для стирки белья. Песты «Кизыть» делаются из твердого дерева, длинные с выемкой, для руки, посредине. Маслобойки встречаются выдолбленные из одного куска дерева, а также с обручами. Колодка для лаптей «Калăп» употребляется обязательно с тупой пяткой. «Тукмăк»—скалка с ручкой служит для катанья белья. Мышеловки встречаются самодельные из нескольких кусков дерева. Для вынимания из кипятку особого кушанья «Кукли» употребляется деревянный половник с дырочками «Сабадă Кукли».

[1]) Название частей русской печи: «Кмагă шедегĕ»—устье: «Труба хоши»—плечики; «Кмага северэ»—чело; «Ворчаг»—боковушки; «кмага сергэ»—шесток; «кмага тебю»—под; «кмага сен»—верх печи; «Сандех»—подпечка; «Пистелих»—заслон; «Юшка»—вьюшка.

Чайная посуда имеется всегда в небольшом количестве и всегда покупная. Самовары есть не у всех.

У одного крестьянина сохранились жернова, сделанные из двух круглых плоских камней. Сделаны лет 80 тому назад, служат для размалывания соли.

Основное занятие жителей с. Казанлы—земледелье. Способы обработки земли такие же, как во всем Саратовском крае, т. е. существует трехпольная система и обработка земли ведется при помощи сохи. Сельско-хозяйственный инвентарь не содержит ни одного предмета, не распространенного в крае. Соха, борона, коса, серп, грабли, цеп, вилы—вот ассортимент сельско-хозяйственных орудий. Плуг в настоящее время явление довольно редкое, до голода же были почти у всех. Сельско-хозяйственных машин, кроме нескольких веялок, во всем селе нет. Сеют главным образом: рожь, пшеницу, овес, просо, а на огородах: картофель, капусту, арбузы, огурцы, тыквы, помидоры и др.

Пища жителей данного пункта также мало чем отличается от крестьянской пищи нашего района. В состав ее входят, главным образом, растительные и молочные продукты. Мясная пища в настоящее время является большой редкостью, не то было раньше, когда было у крестьян много скотины. «Кукли»—пильмени с мясом, «Шартáн»—мелкорубленное мясо, запеченное в требухе—вот любимые кушанья того времени. Теперь любимыми блюдами являются: «Салмá»—лапша, «Тескéт»—творожники из творогу и сметаны, высушенные в вольной печке. Завтрак, обед и ужин бывают горячие. Едят суп, картошку в сметане и кашу из пшена. Из напитков употребляют квасы: хлебный, арбузный и тыквенный, а также брагу, но редко [1]).

Как широко распространенную отрасль женского труда, надо отметить повсеместное распространение ткачества. В настоящее время обрабатывают, главным образом, коноплю. Процесс обработки и инструменты не имеют почти никаких национальных черт, за исключением двух-трех деталей, о которых я скажу. Описывать же тип, распространенного по всей губернии, «стана», из-за недостатка места—не буду. Ткацкий стан, данного села, не имеет «навóя» и «бердó» с «набилкой» лежит свободно на основе, а не подвешено на веревках, как у русского стана. Узорчатые ткани ткутся также в 4 подножки и 4 «ничепки».

Окраска пряжи и материи в настоящее время производится домашними средствами. Красящие вещества последнего времени: ольховые шишки, дубовая кора и сажа—дают коричневый цвет; дубовая кора и неклен с примесью железа—дают черный цвет. При окраске в черный цвет материю попеременно макают в настой из ржавленного железа и кваса, и в настой из коры или неклена. Раньше красили покупными красками.

Из других промыслов надо отметить следующие, имеющие целью обслуживание только нужд местного населения: **бондарный,** которым занимается Андреев Ив. Ерм. Он чинит старые вещи и делает новые, кроме того делает рамы. **Дужный промысел,** которым занимается Соловьев Пр. Ил. Имеет специальный станок, сделанный из толстого обрубка дерева, на котором и гнет дуги из вётлового дерева, провяливая его перед употреблением, после того как срубят. Над каждой дугой работают два дня. **Производство трубок, клещей для хомутов и седелок.** Занимается Трокин Фед. Трубки делает из кленовых наро-

[1]) Обрядовой пищи не касаюсь. О ней у Т. М. Акимовой в этом же сборнике.

стов, по форме самые разнообразные. Клещи делает из корней клена. **Валяние сукна.** Имеется станок, в форме двух обращенных один к другому рубелей («Таланус малык»), которым, не смотря на то, что он принадлежит одному крестьянину, пользуются все. На станке в течение 2—3 часов, 12 человек успевают обработать 70—100 арш. сукна. Материю трут между двух рубелей. **Маслобойное производство.** Во всем селе имеются три маслобойки. Обработка семян производится следующим способом: зерно поступает под цементный жернов, поставленный вертикально и приводимый в движение лошадью; затем зерно поступает в парник — железный цилиндр с ручкой, который вделан над огнем; потом зерно поступает под пресс—состоящий из ящика для зерна, на который давят и своей тяжестью, и кроме того, помощью винта—два тяжелых бревна, одни концы которых укреплены неподвижно, а другие поднимаются и опускаются при помощи железного винта. Из 1 пуда подсолнечных семян получается 7—8 ф. масла. **Кожевенное производство.** Занимается один крестьянин, имеет два небольших чана, котел и станок для вытягивания сыромятных кож. Работает в кухне. По течению р. Казанлы расположены 8 водяных однопоставных мельниц, работающих с наливными колесами. Мельницы арендованы приходящими мельниками и многие из них работают [1]).

Одеваются чуваши с. Казанлы в национальные костюмы частично, т. е. полного костюма, мужского или в особенности женского,—встретить совершенно невозможно. Мужчины носят рубашку «Кепе» из белого или цветного холста, штаны—«Ем», из того же материала; портянки: нижние «Тана» и верхние—«Тана вари»; пояс—«Писпихи», плетеный из цветной шерсти. Поверх этой одежды носят «Сукман» из домашнего коричневого сукна, длиной до колен. На голове носят картуз. Зимой носят шубу из овчин и шапку, а на руках рукавицы или варежки. Описанный костюм от старинного не отличается.

Женский костюм старинный, состоял из белой холстовой рубашки «Кепе» с вышивками на груди, подоле и плечах, которые иногда заменялись нашивными полосами кумача. Рубашка подпоясывалась длинным поясом из цветной шерсти, сложенным вдвое, к которому пришивалась сумочка для разных мелочей, и на который надевался «Сар», в виде куска кумача с бахрамой на концах, перегнутого пополам и скрепленного нитками. На голове замужние женщины носили «Масмак» (нечто вроде русского волосника), низ которого обшивался монетами. Поверх него надевался «Сурпан» длинная, специально вытканная полоса материи с лентами по концам. Затем надевался «Шус тутри»—длинная полоса материи, специально вытканная, сложенная вдвое по длине. Концы «Сурпан'а» и «Шус тутри» свободно лежали на плечах, а чтобы «Сурпан» лежал хорошо на груди, к нему прицеплялась «Сурпан сяки»—особого рода пряжки с цепочками, которые опускались за пояс. Украшеньями служили ожерелья из раковин «ужовок» и стеклянных бус. Мужские и женские рубахи имели обязательно цветные ластовки.

Старинных женских костюмов в настоящее время сохранилось всего 4, из них только два носятся старыми женщинами.

Современный женский костюм, как у девушек, так и у женщин состоит из юбки, сделанной из самотканной материи, часто полушерстяной, со сборками и из кофты, короткой ситцевой или из холста. На голове носят ситцевые платки. Необ-

[1]) Различные детали, относящиеся к производствам опускаю, по указанным выше причинам.

ходимой принадлежностью как старинного, так и современного костюма, является фартук из самотканной или покупной материи. На ногах носят лапти чувашского типа и онучи. Чулки носят русского типа, с пяткой. Надо заметить, что современный костюм чуваш ничем ни выделяет их из среды великоруссов.

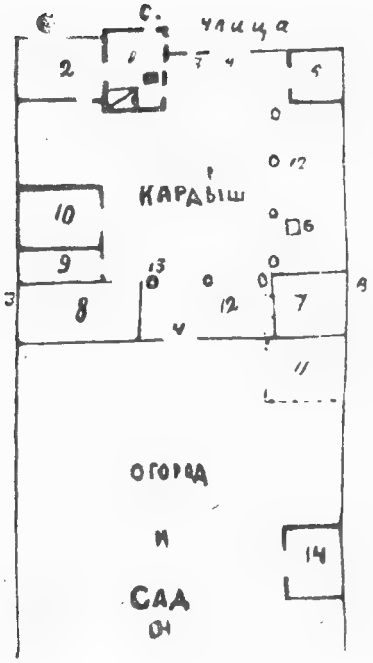
По формам орудья передвижения в с. Казанле могут быть сведены к нескольким типам. Наиболее распространенными являются «Чеченка»,—плетеная из мелкого хвороста, ставится летом на дроги, а зимой—на дровни. Имеет форму колымаги. «Каламига»—род русских роспусков: на дрогах укрепляется рама с настланным лубком. Того же типа «Таратайка»—со спинкой. Дроги «Храба» бывают длинные и короткие, смотря по тому, для чего они предназначены. Для перевозки снопов употребляют фуру «Хура»; зимой употребляют дровни и санки, у вторых перед закрыт лубком, а зад обделан деревом.

Подводя некоторый итог описанию внешнего быта чуваш с. Казанлы, можно отметить несколько интересных и важных моментов, обусловленных современным положением деревни. Прежде всего мы наблюдаем общую экономическую слабость крестьянства, что может быть об'яснено целым рядом об'ективных условий современности: империалистическая война, голод и др. Затем надо отметить, бросающуюся в глаза, руссификацию данного пункта. Причины этого скрыты весьма глубоко. С одной стороны, насильная руссификация прежнего правительства, а с другой—культурная отсталость чуваш и стремление их выйти на путь более культурного народа—русских—служат причинами того, что национальные черты быстро исчезают. Судя по настроению населения—трудно предполагать, что данная национальность возродится со стороны внешнего быта. Еще есть один весьма интересный момент, который нам приходится наблюдать в данном пункте, это—временное возвращение к старому, вызванное современным экономическим положением деревни. Одежда шьется исключительно из тканей, приготовляемых домашним способом: ткани окрашиваются теми же веществами, чем они, весьма возможно, окрашивались в древности. В селе возродилась, в некотором роде, своя обрабатывающая промышленность, потребителями изделий которой являются местные же жители. Самообслуживание это, несомненно, имело место в древнем быту данной национальности.

Таким образом, мы наблюдаем деревню и национальность в очень интересной обстановке. С одной стороны деревня вернулась к старому: самотканные одежды, местные производства и т. д., а с другой—почти полная грамотность среди мужского населения, чтение газеты, кооперация и пр. Повышение общего благосостояния страны ведет к тому, что деревня бросит все старое, традиционное и особенно в некоторых областях материальной культуры. Поэтому самой главной задачей современности должно быть самое широкое, детальное и быстрое изучение быта тех народностей, которые обитают в нашем крае и которые до сего времени не имеют никакой истории. К числу таких народностей относятся и чуваши.

П. Степанов.

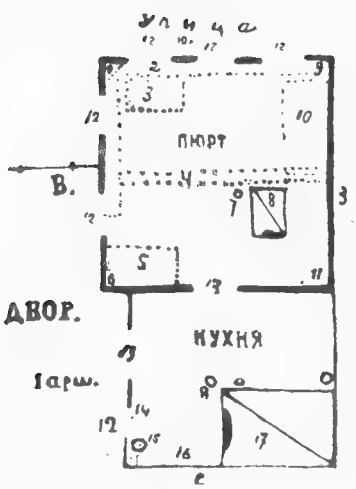
К статье „с. Казанла"—Внешний быт. П. Степанова.



Рисун. № 1.

Усадьба кр. Семена Мракина.

№ 1. Июрт (изба)
№ 2. Сени (сени).
№ 3. Кезэ̀ль-алык (калитка).
№ 4. Хо̀нха̀ (воро́та).
№ 5. Сюкых (мазанка).
№ 6. Погреб (погреб).
№ 7—8. Карда̀ (помещение для скота).
№ 9 Видэ—хощи (помещение для корма).
№ 10. Видэ (конюшня).
№ 11. Тол-карда̀ (загородка для скота).
№ 12. Аслек-аэ̀ (сарай).
№ 13. Аслык-оби (сóхи для поддержки крыши).
№ 14. Келэ̀ть (амбар).



Рисун. № 2.

Изба кр. Прокофия Мракина.

№ 1. Торэ-кедэ̀сы (красный угол).
№ 2. Са́к (лавка).
№ 3. Седэ̀ль (стол).
№ 4. Матка̀ (ма́тка, матица).
№ 5. Крова̀ть (кровать).
№ 6. Кроват-кедэсы (кроватный угол).
№ 7. Уль-ожа̀й (подпорка для полотенца).
№ 8. Каланка̀ (голландская печь).
№ 9. Чула̀н-кедэсы (чуланный угол).
№ 10. Крова̀ть (кровать).
№ 11, Кмага̀й-кедэсы (печной угол).
№ 12. Косди (окно).
№ 13. Алык (дверь).
№ 14. Сан (лавка).
№ 15. Кажэ̀к хомаллы (корзиночка для ложек).
№ 16. Сендрэ̀ (полка для посуды).
№ 17. Кмага̀ (печь русская).
№ 18. (столб).

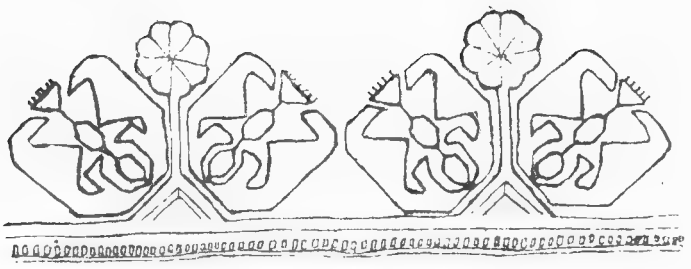


Рис. 3-й к стр. 46 (1/2 натур. велич.).

Искусство чуваш с. Казанлы.

При обследовании чувашского села Казанла членами экспедиции было обращено внимание на моменты проявления искусства.

Чувашское искусство исключительно искусство крестьянское и как таковое, благодаря своей примитивности, может быть для современного культурного человека менее эстетически действенно, чем достижения каких-либо других видов искусства. Однако это не должно служить препятствием к изучению настоящего вопроса или даже умалять важность его. Как бы ни было примитивно искусство, для изучения культуры данной народности оно представляет несомненную важность. Помимо того, что оно выявляет творческие способности народа, оно указывает на те воздействия иных культур, которые когда то испытывал народ и от которых уже отошел. Кроме того, изучение крестьянского искусства, особенно национальных меньшинств, проливает свет на наиболее темную сторону истории искусства, а именно — истории первобытного искусства. В силу этого, не считаясь с м. б. малою эстетической действенностью, чувашское искусство заслуживает внимательного изучения, особенно в наше время, когда после выставки в Историческом Музее по русскому крестьянскому искусству поднялся большой интерес к изучению этой области. К этим побудительным мотивам следует еще присовокупить, что при национальном возрождении чувашской народности, которое уже имеет место в наше время, в вопросах искусства чувашским деятелям этой области придется, несомненно, исходить от моментов национального творчества.

Трудности при изучении этого вопроса вызываются крайнею непроторенностью путей к нему, т. к. до сего времени внимание крестьянскому искусству, тем более национальных меньшинств, уделяется только со стороны этнографии, не обладающей специальными методами по данному вопросу. Другая трудность заключается в том, что крестьянское искусство, будучи искусством прикладным, так тесно связано с бытом и с предметами быта, что вне вещи его нет и процесс создания вещи быта есть процесс создания и его, так что оно не отделимо от простого производства, м. б. в этом заключается его сила, но это осложняет задачу изучения его.

Настоящая заметка, составленная по материалам одного села, коснется следующих видов искусства, которые пришлось наблюдать: вышивка, роспись, резьба по дереву, игрушка и музыка. На первое место придется поставить вышивку и по количеству и по силе ее эстетической действенности.

Вышивка присуща, главным образом, старинному национальному женскому костюму, который в настоящее время уже не бытует в с. Казанла и заменен русским. по лет 50 —60 назад носился всеми. От того времени он сохранился только у нескольких старух. На вышивке этого костюма я и остановлюсь, как на моментах искусства. Вышивка имеется на женской рубашке „кепе" белой из самотканного холста, на головных уборах „сурпан" и „пусьтутри", на „саре" - набедренном украшении и полотенцах. Своеобразие чувашской вышивки так велико, что сразу бросается в глаза. По технике она различается на два вида: вышивка в полном смысле слова и шитье „по перевити". В первом случае она приближается к способу вышивания, известному под названием „вперед иголку", второй же состоит в выдергивании из холста одних ниток и связывании других, оставшихся, в некоторый узор. Прежде остановим внимание на вышивке первого рода. Останавливаясь более подробно на их технике, нужно отметить, что они делаются следующим образом: сначала вышивается контур узора в одну черную нитку, а затем уже в пределах его мелкими стежками по указанному способу зашивается все пространство. Материалом для вышивки служит шерсть домашнего производства и домашней же окраски. Вышивка имеет только одну сторону. Подобная техника является характерной не только для села Казанлы, а судя по различным материалам, и вообще для чуваш.

Остановим особое внимание на вышивке одной кепе. Вообще чувашские кепе украшаются на груди, оплечьях, спине и подоле. Особенно интересна вышивка на груди. Мотив ее—восьмиконечная звезда или розетка (рис. 1) с довольно малыми пространствами между концами, так что получается как бы сливающийся многогранник. Таких розеток четыре симметрично расположенных по две на каждой стороне ворота. Композиционно они не связаны с другими украшениями рубахи, между собой же связаны только симметричным расположением. Общее впечатление от них—застывших неподвижных медальонов, замкнутых в себе и резко выделяющихся на фоне. Подобные украшения имеются только на старинных рубахах, в дальнейшем эта вышивка заменяется кумачевыми нашивками в виде ромбов и прямоугольников. Вышивка на оплечьях (верх рукава) кепе (рис. 2 исполнена подобной же техникой. В основе это —восмиугольник, растянутый по длине, сложенный из отдельных частей, стремящихся к единству, в результате чего дается впечатление цельности и той же медальонности. В более поздних рубахах он также заменяется кумачевой нашивкой. По мотиву этот орнамент, конечно, растительный, но геометризованный. Спинка рубахи украшена комбинацией из вышивки и кумачевых нашивок. Кумачевые полоски образуют два угла с вершинами, обращенными в противоположные стороны. Один из них, малый, входит в другой больший. Вершина большего направлена вверх, а малого вниз. Вся эта фигура окружена узкими вышитыми полосками синей, желтой и черной, кругом нее идет ломаная черная линия со многими завитками. По цветам эта вышивка, как и вообще вышивки чуваш Саратовского края, грязно розоватая, близкая к кирпичному. Сплош-

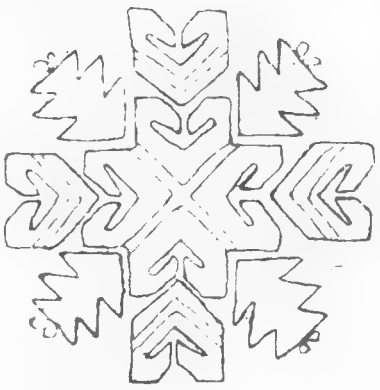


Рис. 1 (1/2 натур. велич.).

ная масса этого цвета нарушается вкрапленным желтым, зеленым и синим довольно значительной интенсивности. Все же эти цвета вместе отграничиваются от белого фона холста узкой черной полоской. Итак, эта вышивка имеет характер медальонов, замкнутых в себе, резко контрастирующих с белым фоном холста. Замкнутость в себе достигается, очерченным контуром, отсутствием свободного пространства, т. е. незаполненного вышивкой, самою техникой вышивки—мелкими сплошными стежками и, наконец, мотивом, имеющим некоторую центроустремленность, по крайней мере в двух первых вышивках. Медальонность описанных вышивок в значительной мере обусловливается их местоположением в костюме.

Несколько иной характер в композиционном отношении имеют вышивки, украшающие низ кепе—подол. Так как эта вышивка идет кругом подола, то она и представляет собою узкую полоску или дорожку. Обыкновенно этих полос бывает две одинаковой ширины, параллельно идущих и взаимно дополняющих друг друга с ритмически повторяющимися мотивами, но иногда полоса бывает только одна. По технике эти вышивки вполне однородные уже описанным, точно также и по цветам, и только одну пришлось наблюдать исполненную перевитью. По мотивам эта вышивка имеет характер по большей части растительного орнамента, причем этот растительный элемент ярче вырисовывается в верхней полосе вышивки, в которой стилизованный цветок не подлежит сомнению. Нижняя же полоса, представляющая сплошную дорожку в определении характера ее орнамента представляет большие затруднения. С первого взгляда орнамент кажется чисто геометрическим, но вглядевшись, можно узнать там повторяющуюся розетку с заполненным между ними пространством различными несложными элементами. Или же бывает и какая-нибудь геометрическая фигура, но очень своеобразная, например прямоугольник с выемками на боках, или угол с двойной стороной, так что заставляет предположить и здесь сильную стилизацию, соединенную с крайней геометризацией формы. Особенно интересен мотив одной вышивки. (См. рис. 3). В верхней полосе ритмически повторяются как будто бы два тюльпана, или лилии, смотрящие в разные стороны. Средина плоскости цветка как бы вырезана, так что оставлен белый холст. Вырезок этот напоминает фигуру человека с поднятыми руками и расставленными ногами. Что либо подобное в орнаментике других народностей, как будто не встречается. В чувашской же орнаментике мотив этот очень распространен и входит не только в украшение подола рубахи, но из него же слагаются и нагрудные украшения. Нижняя полоска дорожки слагается из розеток, заключенных между прямыми линиями. Пространство между ними все зашито. Относительно общего характера нужно сказать, что эти вышивки выделялись бы довольно резко на костюме, если бы рядом с ними не были полосы нашитого кумача, которые и смягчают эту резкость. Подобное замечание, и уже без оговорок, нужно отнести и на счет нагрудных и плечевых вышивок, ведь не даром они так легко заменяются кумачными нашивками. Для вышивок на подоле характерно отметить, что в них заметную роль играет белый фон, например в описанном мотиве являющийся как бы пятым дополнительным цветом к имеющимся четырем—тем более, что рядом с ними идут красные кумачные нашивки и белого холста близь их нет. Говоря о вышивках этой группы: нагрудных, наплечных и на подоле, интересно отметить соотношение цветов. Главная масса падает на долю красного, значительно меньше желтого, затем синего и зеленого, которых имеется

в равной степени и которые в сумме равны желтому. Последние два цвета могут заменять друг друга. Наконец, идет черный цвет. Но он в колористическом отношении почти не играет роли, создавая только линию контура. Вся вышивка в целом имеет вид красочной расцветки.

Теперь перейдем ко второй группе вышивок—шитью по перевити. Эта вышивка у чуваш с. Казанлы свойственна, главным образом, головным уборам „пусь тутри" и „сурпану", а так же набедренному „сар" у. По традиции этот вид вышивки, известен как наиболее древний. О технике его уже говорилось. В „пусь тутри" эта вышивка вкраплена узенькой полоской: она идет параллельно имеющимся вытканным полосам, гармонируя с общим фоном всего предмета Цвета ее те же, т. е. красный, желтый, синий и зеленый с дополнением белого, полученного от невыдернутых ниток холста. Конечно, контурного окружения черной ниткой здесь уже нет, т. к. самая техника вышивки несколько иная. Мотив этой вышивки скорее геометрический и в некоторых случаях напоминает знак, обозначающий параграф в лежачем положении, в других — углы с удвоенной стороной, вернее сказать два угла, из которых один вписан в другой больший и одна из сторон у них совпадет, а два другие идут параллельно друг другу. Точно такая же вышивка украшает и „сар"—набедренник с мотивами, близкими к розетке. На концах сурпана тоже имеется вышивка, но несколько отличающаяся тем, что здесь сделана как бы сетка, а на ней, по технике близкой к глади, наложены в два цвета фигуры прямоугольников без одной стороны, заходящие друг в друга открытыми частями. Кроме того имеются еще треугольники. Цвет вышивки в тоне совпадает с общим цветом сурпана, а сама вышивка идет параллельно полосам, вытканным на сурпане, занимая среди них центральное положение. Это обстоятельство как-то органически сливает вышивку с вещью, ею украшенной. Это наблюдение надо распространить на всю группу вышивок по перевити и это обстоятельство отличает их от вышивок первых. Здесь они не только не контрастируют с фоном, резко выделяясь из него, а наоборот при общей яркости фона (в пусь тутри или сар'е он ярко красный), благодаря своей ажурности, бывают мало заметны. Кроме этих вышивок на концах полотенец имеется однотонная белая вышивка по перевити с растительными мотивами. Такая вышивка впервые из всех Саратовских чуваш встретилась в с. Казанла и весьма вероятно является заимствованием от русских.

Довольно близко к вышивке стоит роспись. Она имеет различное применение. Пришлось наблюдать в двух домах раскрашенные масляными красками посудные шкафы в переднем углу. Встречаются раскрашенные фронтоны изб. Во многих домах пришлось видеть на печках и белых стенах деревья, дома, или просто пятна, нарисованные зеленой краской. Занимаются последним дети. По цветам преобладают краски: зеленая, красная, отчасти синяя и желтая, цвета яркие. Темы какие-либо почти отсутствуют, так на шкафах пришлось видеть розетку, какую можно видеть и в резьбе, затем круги, а в остальных случаях просто сочетание красок, достигающих значительной интенсивности. Светотень, конечно, отсутствует, так что тут дело идет не о живописи, а о красочной расцветке.

Собранная коллекция поясов позволяет сказать несколько слов об одном из распространенных видов искусства в Казанле —это плетении и вязании. Здесь даже можно усмотреть некоторую эволюцию. Самый старинный пояс для сар'а — набедренника даже не плетеный, а тканый особыми приспособлениями. Он плоский

шириною в один сантиметр, трехцветный: желтый, черный с коричневым оттенком и белый. Дальше идет другой тип пояса — кушак, тоже тканый довольно широкий в 2 вершка, но тонкий. Рисунок его—только полосы. В центре красная полоса, а от нее симметрично, часто чередуясь, расположены по обе стороны коричневый, синий, желтый и красный цвета. Затем идут „пизнхи" — пояса более новые, наиболее распространенные теперь — плетёные. Ими подпоясываются и мужчины и женщины. Плетутся они в несколько концов в виде веревочки: сочетание цветов довольно неустойчивое, встречаются — белый, розовый, зеленый, фиолетовый, желтый и коричневый. И совсем новые, перенятые из города, пояса — вязаные крючком — однотонные плоские, шириной в 1—1½ сантиметра. Орнамент на всех поясах образуется самым плетением и, пожалуй, его можно назвать техническим. Сложнее он на старинных поясах плоских — тканых, где имеет вид ломаных линий, заключенных между прямыми. Материалом всех поясов является шерсть.

Следующее после вышивки место из других видов искусства занимает резьба. Резьбой украшены разные предметы крестьянского обихода, главным же образом резьбу приходилось наблюдать на донцах.

Следует отметить, что число неукрашенных донцев значительно преобладает, то же самое можно сказать и про другие предметы. Резьба с. Казанлы сильно уступает северной великорусской, как по количеству, так и по качеству. Здесь вся она представляет из себя резьбу внутрь, т. е. плоскость доски нарушается таким образом, что рисунок оказывается врезанным, а не рельефным. Без сомнения этот вид резьбы мало эффектен, но он заслуживает внимания, т. к. по традиции он наиболее древний. Среди этой резьбы наиболее древней считается так называемая трехгранная резьба и мы имеем среди чувашских донец, украшенные именно таким способом, весь узор здесь заключается в нескольких прямых линиях. Затем имеется несколько донцев с резьбой, где линии сделаны при помощи долота—полукруглые в виде желобков, имеется контурная резьба и, наконец, ногтевидно - выемчатая. Здесь совершенно не приходится наблюдать рельефной резьбы. Все перечисленные виды слишком примитивны и, очевидно, их традиция своими корнями уходит далеко в глубь. Может быть, как некоторый переход к рельефной резьбе можно видеть в резьбе на других донцах, по краям которых нарезаны треугольники, но если это и так, то все же до рельефной резьбы им еще далеко.

Разбирая теперь резьбу по мотивам можно сказать, что и здесь она довольно примитивна, это по большей части сочетание прямых и ломаных линий. Иногда к ним еще добавляются ногтевидные выемки или даже просто четыреугольники. Сложные какие-либо фигуры отсутствуют, если не считать за таковую розетку, включенную в круг, довольно распространенную. Иногда от этой розетки остаются только круги, а вместо лепестков помещаются внутрь их инициалы хозяев предмета, что касается композиции резьбы, то она так тесно связана с формой украшаемого ею предмета, что по большей части и определяется ею. Благодаря такому композиционному расположению, сама резьба приобретает строго орнаментальный характер, и создается впечатление ее необходимости. Здесь же необходимо упомянуть еще об украшениях изб, именно о наличниках, которые украшаются путем прорези, т. е. рисунок выпиливается насквозь в доске. Тут можно видеть довольно распространенные мотивы — всевозможные растительные фигурации, геометрические мотивы и

даже из животного мира. Этот вид украшений, наиболее поздний и ни чем не отличается от подобных украшений в соседних русских и мордовских селах.

Еще об одном виде искусства упомяну — это об игрушках, но слишком мало пришлось видеть их, чтобы дать какое-нибудь о них общее заключение. Распространенная там деревянная кукла представляет обрезок липовой чурки в 4 вершка длины, одному концу которой придан вид головы, т. е. он округлен и отделяется утончением от туловища, изображающим как бы шею. На лице есть только нос, больше ничего. Ни рук, ни ног у туловища нет, оно только несколько обстругано. Несмотря на это, не остается сомнения, что изображен именно человк. Идея человека передана довольно удачно. Костюма, конечно, никакого нет. Такую куклу каждый может сделать для своего ребенка, это можно было заключить из слов удивившейся чувашки: „давай я тебе такую топором сделаю". Распространены еще игрушки из лыка—гармонь—„ярмунь" в виде продолговатой коробочки и нечто вроде погремушки для детей, еще лежащих в зыбке.

Несколько особняком и на последнем месте я поставил музыку, так как это искусство несколько отличное от упомянутых видов, а главное то, что здесь я буду говорить не о музыке, а о музыкальных инструментах. Музыкальными инструментами в настоящее время являются гармонь и балалайка. Балалайка всегда самодельная. В старину же бытовали скрипки и так называемые „чимбалы" т. е. цимбалы трапецевидной формы со струнами. Более подробных сведений не пришлось получить. Существовал еще музыкальный инструмент „тросли"—„сарнан". Делался он из камыша. В камышевой трубочке проделывалось 5—6 дырок. Две—три такие тростинки вставлялись в коровий рог и играли сразу на всех. Этот инструмент наряду со скрипкой и цимбалами употреблялся и на свадьбе. По преимуществу же на нем играли пастухи. Есть еще один музыкальный инструмент—это дудка „шахлича". Делается она из стебля особого растения полого внутри. К губам приставляется более толстый конец, срезанный наискось, близь которого находится дырочка, которая при игре должна находиться внизу трубки. Другой конец затыкается пальцем. Звук дудка имеет заунывный. Употребляется исключительно на посиделках. Под нее почт и пляшут.

Для полноты обзора искусства с. Казанлы необходимо бы еще упомянуть о пении и танцах, но записи мелодий не производилось, а танцы не пришлось наблюдать.

Естественно по окончании обзора поставить вопрос о том, насколько каждый из упомянутых видов искусства является специфически чувашским, издавна бытовавшим у них и какие виды искусства наоборот являются поздними заимствованиями у русских и других соседних национальностей. Но скудость материала не позволяет пока давать ответы на заданные вопросы *Валерий Воробьев.*

Саратов. 1925 год.

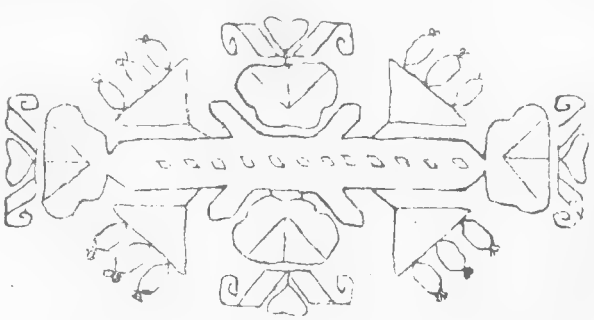


Рис. 2 к стр. 45 (1/2 натур. вел.).

Современная частушка в Саратовском крае.

Наименования произведений устного народного творчества, известных в научной литературе под названием частушек, разнообразны в самой крестьянской среде, которая по преимуществу является творцом этих произведений. Для Саратовского края,—это прибаутки, скоморошины, припевы, перегудки.

Записи частушек по Саратовскому краю в научной литературе весьма немногочисленны. Большинство записей частушек по Саратовскому краю, как и вообще устного народного творчества, произведены только за период с 1920 года, благодаря научной деятельности этнографического отдела О-ва Краеведения и количество записей частушки в настоящий момент доходит до цифры в 2½ тысячи номеров.

Что же представляет собою местная частушка, сравнительно с тем же видом творческих произведений других местностей? Прежде всего можно безошибочно утверждать, что Саратовский край внес в сокровищницу народного художественного творчества свой местный музыкальный мотив и припевы, под названием «Волга», причем имеется и связанный с исполнением этих частушек своеобразный танец с тем же названием. Музыкальный напев «Волги» чрезвычайно мелодичный, проникнут лиризмом и как бы приноровлен к любовным припевам, тем, что в большинстве случаев и связаны с этим музыкальным напевом «Волги».

Девчоночки кака скука,
Уж ты Волга, моя Волга,
Нет миленка, а я тута,
Я гуляла да недолго.

На речке мороз замораживает,
Парень девицу целует, загораживает.

Девчоночки, что вас мало,
Уж ты Волга, моя Волга,
У нас милочки не стало,
Я гуляла да недолго.

Я в Вольске была и в Баронске была
Семерых я уморила и сама с ума сошла.

Эх Вольский, Самара,
Царицын, Москва,
Милова не стало
Какая тоска.

Вспомни, вспомни, как бывало,
Уж ты Волга моя Волга,
Ночка темна, я стояла,
Я гуляла да недолго.

Под яблонькой под низенькой,
Целовал миловал меня милинькой.

Саратовская частушка помимо того связана в своем бытовании с музыкальным инструментом, гармошкой, т. н. Саратовской (особого строя с колокольцами). Конечно, влияние музыкального инструмента на характер напева частушки трудно установить, но этот факт нельзя обойти без упоминания о нем.

Местные черты отразились в частушке в таком, напр., явлении, характерном для приволжского края, каковым можно считать сохранность воспоминаний о бурлачестве по Волге. Напр., привев к частушке:

Волга матушка река,
Пожалейте бурлака. Или сохранившаяся бурлацкая частушка:

Эх, матушка Волга,
Широкая долга,
Укачала, уваляла,
У нас силушки не стало.

Современная жизнь рабочих на Волге также находит себе отображение:

Как я в Ваньки *) поступил,
Так и семью позабыл.

Как я в Ваньки записался,
Так и с семьей распрощался.

В остальном частушка отображает местную жизнь не более, чем частушка любой местности.

Между гор, крутых бараков,
Стоит батюшка Саратов.

В нашем поле кустьев много
Н'одним кустиком мороз.

Между гор, между долин,
Городок стоит Хвалынь.

Середанных ребят ждали
Качкаринских шут принес.

Во Поселке грязь, вода,
Ребятишки, как мордва.

В Изнаире грязь по шейке,
Там девчонки кривошейки.

Записи частушек по Саратовскому краю позволяют наблюдать следующее: во первых происходит замена одних музыкальных мотивов другими; некоторые частушки живут очень недолго, становятся как бы модными на время и в свою очередь вытесняются другими. Так, например, были распространены частушки с припевом «золотистый золотой, ты в оконы, я с тобой» в военное время; частушки с припевом «яблочко, куда котишься»—в период гражданской войны.—им на смену идут теперь другие частушки с иным музыкальным мотивом. Во вторых, что приходится устанавливать—это широкое территориальное распространение одних и тех же частушек. Сопоставление текстуальное записей Саратовских частушек с записями других местностей, вне пределов края, обнаруживают чрезвычайно большое количество совпадений, примеры чего в настоящей работе излишне приводить. Конечно, не трудно подыскать к этому соответствующие об'яснения. Первое, т. е. текучесть, чрезвычайная подвижность творчества художественного, как в отношении музыкального напева, так и стиха, в частушке, коренится в самой природе данного вида произведений устного народного творчества, т. к. частушка по преимуществу передает впечатление и настроение не длительное, порой мгновенное, схватывает явления более частного, нежели общего характера, и расчитана на непродолжительное художественное восприятие со стороны слушателя. Частушка или на мгновение блеснет ярким остроумием, или коротко, сжато, но сильно затронет явление бытовое, психологическое, охарактеризует событие, или поразит слушателя красочным набором звуков и образов.

Пойду плясать с оглядочкой,
Как быть, как жить солдаточкой.

Мы подсолнышки пололи,
К нам ребята припороли.

Березынька белая,
Что война наделала.

Припевала, голосила,
Голос ветром относило.

Милый, милый, перемилый,
Милей мамыньки родимой.

Что касается распространения частушек на территории края и совпадения иногда буквального частушечного репертуара разных местностей даже вне пределов края, то к об'яснению этого явления имеют значение многие факты, и отхожие промыслы крестьян и фабрично-заводский труд, в который втягивается крестьянская масса, и военная служба и всякое иное явление, которое так или иначе способствует общению населения разных местностей.

*) Ванько—баржевой матрос.

В частушке находит себе отображение весь бытовой уклад жизни деревни. В этом отношении частушка имеет более широкий охват, нежели народная лирическая и обрядовая песня, т. к. круг тем для частушки более богат, нежели для лирической песни, и рамки народного обряда лишь частично распространяют свое влияние на частушку.

В отношениях между старым поколением деревни и поколением молодым наблюдается известный антагонизм, обусловленный разностью взглядов и понятий. Частушка так характеризует это явление:

Комары, мухи кусают,
Стары люди жить мешают.
Поставь, тятенька, ворота
На резиновом ходу,
Чтобы мама не слыхала,
Когда с улицы приду.
Приду домой, мать бранит,
Погой топнет—спать велит.

Ну какой же, мамка, сон—
Мил с двухрядушкой пришол.
Я на тятьку, я на мамку,
Я составлю протокол,
Завсегда приду я с улицы
И ложусь на голый пол.

Частушка правдиво отмечает разницу взглядов и понятий разных возрастных поколений, в том, что жизнь «улицы», с которой не мирится старое поколение деревни, противополагается в ней патриархальному, старинному семейному укладу. Молодежь живет особой от стариков жизнью. Традиции семейного уклада, в котором царит обрядность, связанная и с событиями семейной жизни, занятиями, распределением труда и отдыха в течение дня, и празднествами на протяжении года, в жизни деревни все больше и больше слабеют, имея сторонников в поколении стариков. Улица для молодежи—то новое, что приходит на смену расшатавшимся устоям деревенского быта. Интересно проследить, как частушка характеризует эти два стоящие друг против друга явления быта. Возьмем для этого мотив девичьей доли, хорошо известный старинной песне, но своеобразно отображенный в частушке.

Катилась колесина
По нашему полю
Не отдала-б сто рублей
За девичью волю.
Всю неделю в поле, в поле
Больно я измучилась,

Не пошла бы я на улицу,
Об милом соскучилась.
Я бывало только думала
На улицу ходить,
А теперь только думаю
Свекрови угодить.

Улица для молодежи – место, где молодежь не только развлекается, но завязывает любовные отношения, разгоняет тоску и горе от рекрутчины, солдатчины, несчастной любви, решает вопросы своего быта, который достаточно сложен под разными экономическими и культурными влияниями на деревню и разобраться в чем пытается деревенский парень или девушка. Ряд частушек дает настроения молодежи следующие:

Оттого я шарлатаню,
Отдают мою матаню.

Она моя круглолица,
Ночью ходит, днем боится.

В Саратове на базаре,
Продают девок возами.

Вон оттоля синя туча,
Над Саратовом гроза,

На мою-то на милушку,
Не глядели бы глаза

Девичьи частушки рисуют отношения к парням сходными чертами.

Все я шали износила,
Осталася одна шаль,

Всех я милых перлюбила,
Осталася одна шваль.

Чорны брови их не смоешь—,
Он дурак, его не скроешь.

Мил уехал во Казань,
А мне строго приказал,

Уж и я с того приказу,
Как влюбилась в троих сразу.

Свобода выбора в отношении деревенских парней и девушек, ареной действия чего является теперь улица, гл. образом, противоположены тем же отношениям на почве старого уклада жизни. Частушки юмористически отмечает это явление

Без меня меня женили,
Я на мельнице был,
Без меня меня венчали,
Я в лесу дрова рубил.

Милый сватал не усватал,
От ворот пошел заплакал,
А я вышла да пришла,
У миленка нейдет дело.

Было бы неверно утверждение, что частушка, передавая жизнь улицы, рисует только отрицательные по характеру взаимные отношения между молодежью. Приведенный выше ряд частушек «Волга», дает глубокие настроения, проникнутые любовным лиризмом, и таких частушек не мало. И само чувство любви соответственно двоякому характеру взаимоотношений рисуется в частушке, то серьезно, то насмешливо.

Через тебя Володенька
Страдаю молоденька.
Через тебя я милый Вася,
Вся иссохлась, извелася.

От любови нету леки,
Ни в больнице, ни в аптеке,
Только есть одна лекарка,
Березова толста палка.

Через любовные настроения иногда просвечивают в частушке сатирические и иные выпады по отношению к чуждой социальной среде.

Я отдам попу теленка,
Не венчай мово миленка.

Полюбила я студента,
А думала генерал,

Помотрела в воскресенье,
А он с сумочкой стрелял

Частушка в своих темах выходит далеко за пределы тем интимных отношений между мужской и женской молодежью. Явление психологическое частушка всегда берет в бытовом окружении—в этом ее характерная особенность. С другой стороны темы бытового характера, семейные взаимоотношения, разнообразие взаимоотношений внутри своего круга молодежи, характер занятий и развлечений и т. д. частушка в большинстве случаев связывает с основным любовным мотивом. Элементы психологический и бытовой являются во всяком случае в частушке основными. Когда частушка предмечает события общего характера, выходящие далеко за пределы местной жизни в своем значении, то в сущности и здесь, изображение

событий дается в особом преломлении, как бы просачиваясь через быт, и понимание событий той средой, которая является творцом в отношении частушки. Вот как, напр., в ряде кратких сжатых картин рисует частушка события и явления быта революционного времени.

Полюбила я Ермила
Лучше жаркого огня,
Я ему рубашку сшила,
Он партейный у меня.

Комсомольца любить,
Надо перемениться,
Крест на шее не носить,
Богу не молиться.

Сельсоветчику Антону
Словно чудится во сне,
У него конюшни тонут,
В электрическом огне.

Закурим с тобой бродяга
В честь оказии такой,
Твой табак, моя бумага,
А огонь над головой.

Офицерик молодой,
Зачем женишься,
Придет большевик
Куда денишься.

Офицерик молодой,
Погон беленький,
Бежи за Кубань,
Пока целенький.

Матросик молодой,
В Баку раненый,
На базаре торговал,
Рыбой жареной.

Нам теперь не долго ждать,
Скоро Волга вскроется,
Будем солью торговать,
Сердце успокоится

У меня коса большая,
Ленточка краснеется,
Почему не полюбить,
Красного армейца.*)

К об'яснению происхождения частушки, материал Саратовского края дает не более, чем записи частушек по другим местностям. Останавливает прежде всего внимание сохранившиеся для частушек наименования «скоморошоны» и «перегудки». Связь современной частушки со скоморошьим репертуаром подчеркивалась не раз некоторыми исследователями (Соболевский, Смирнов-Скутачевский) частушки. Однако эта связь устанавливалась обычно через свадебный песенный репертуар и прибаутки, через хороводные весенние песни. Это, конечно, об'ясняет сохранность скоморошьего репертуара в народном обряде, но не об'ясняет распространение частушки, ни ее усиленный рост. Мы можем наблюдать, что частушка живет, гл. обр., вне обряда и даже с определенностью можно устанавливать, что падение обряда, а вместе с ним и старого песенного творчества, содействует росту частушки за счет старинных песен. Недаром Зеленин и Перетц усматривают в частушке обрывки старинных песен, приноровление старого песенного материала к новым темам. Рассматривая творчество скоморохов и исполнение ими своего репертуара преимущественно перед толпой, а эта сторона в скоморошьем репертуаре наиболее заметна особенно в заневах, присказках, юмористических и плясовых песнях, приходится устанавливать общность условий к возникновению творческих произведений, к их исполнению, в прошлом, когда перед толпой выступали скоморохи, и в настоящее время, когда в толпе и для толпы поется частушка. Скоморошьи произведения связаны с музыкальным инструментом «гудком» и по форме были недалеки от современных

*) Запись произведена студен. Сарат. Ком. У-та.

частушек, имея припевы, музыкальные переборы к коротким любовным и юмористическим стихам—современная частушка живет и развивается неразрывно с исполнением под музыкальный аккомпанимент гармошки или балалайки. Эту общность создала вызванная к жизни «улица», о которой говорят приведенные выше частушки, не даром частушки и скоморошьи произведения сохранились как нечто традиционное в таких обрядах, как проводы весны, свадьба, т. е. как раз в таких обрядах, где действует толпа, и где эта толпа занята игрой, развлечением, к чему репертуар скомороший и был по преимуществу приноровлен. Развлекаться, играть—именно толпой, для этой же цели и стала ходить молодежь на «улицу». Между скоморошьей песнью и современной частушкой можно найти и другие общие стороны: а) близость композиционная—два стиха и следующий за ним припев. (Небылица — Кривополеновой), б) тематическая близость (любовные психологические темы; бытовые-юмористические и сатиристические), в) близость поэтики—богатство созвучий внутри стиха и музыкальная законченность стихов—отсюда впечатление литературной рифмы. Ограничиваясь в своем кратком очерке только Саратовским материалом, приведу частушки типа старинных скоморошин, относительно которых известно, что они исполнялись под аккомпанимент дудок. Кстати, некоторые из них, иллюстрируют репертуар скоморохов и со стороны вольности содержания, в чем современная частушка в отличие от песни, приближается также к скоморошьим песням.

Играй играй, играчек,
За работу пятачок,
Игра-то понравится,
Пятачек надбавится.

Старик ты мой старичок,
А я твоя бабка,
Корми меня калачом,
А я буду гладка.

Старуха старика,
Во всю ночь ерыкá,
Но поутру старик
На ногах не стоит.

Эх вы лапти лапцеи
И оборы круцеи,
Чорные онучи,
Издалека сапоги,
На босу ногу не лезут,
На онучи велики.

Ах теща моя,
Доморощеная
На те шубочка нова,
Не вороченая.

Станем тещу любить
Покалачивати,
Станем шубочку носить
Перворачивати.

Раз, два, три, четыре,
Отчего девицы милы,
Есть румяны и белилы,
Белются, румянются,
Еще натираются.

Щикатуров нанимали,
Себе рожи натирали,
Натирали себе рожи,
Назывался пригожи.

Ах, тетеньки,
Каки модненьки,
На вас платьица букеты,
Хорошо очень одеты.

Груди выше на перед,
Сама козырем идет.
Перед мальчиками
Пройду пальчиками,
Перед добрыми людями
Пройду белыми грудями

Эти плясовые частушки записаны под названием «прибаутошных».*)

*) Записано от певицы Дарии Андрониевны Земцовой.

Современная плясовая частушка близка по своему характеру.

Ищи в траве,
Грибы будут.
Ребятишки тяе
Любить будут.

Эх, бейсь лаптютé,
разбивайся лаптютé,
Мне папаша сплетютé,
И оборки светютé.

Пойду плясать
По полю по белому,
Если милый женится
Что нибудь наделаю.

Что касается разгула, выраженного в частушке, бузудержной удали,

Мы по улице пройдем
Окна хлещем, стекла бьем.

Кто нас тронет бурлаков,
Тот получит синяков,

то вряд-ли можно согласиться с тем, что в этом есть наследие прошлого, сохранность разбойничьей традиции. Разгул здесь обычно не более, чем только уличный.

Развесела наша шайка,
Веселит нас балалайка.

Связать частушку с разбойничьей песней трудно, так как нет достаточной близости ни со стороны поэтики, ни даже в отношении настроений; разбойничьей же частушки мы не знаем в записях по Саратовскому краю. Поэзия бурлаков мало характеризуется чертами разбойничьего разгула и приведенная выше бурлацкая частушка говорит скорее об отчужденности, связанной с именем бурлака.

Равным образом в вопросе относительно разнообразия ритма частушки чрезвычайно трудно установить связь с ритмом трудовых процессов, в фабрично-заводском производстве. Правда, приведенная выше бурлацкая частушка:

Укачала, уваляла,
У нас силушки не стало,

еще дает впечатление ритма работы, исполнявшейся бурлаками, но почти нет частушек в Саратовских материалах, указывающих на связь с производством в такой степени, чтобы можно было установить близость ритма трудового процесса и частушки, как вообще мало частушек, рисующих рабочий быт. В массе частушка остается все-таки более близкой крестьянской среде. Отсюда, не отрицая громадного значения производственного фактора на организацию психики, имеющей значение к об'яснению частушки рабочей (материалы Саратовского Края, собранные теперь, еще бедны), мы думаем, что для деревенской частушки следует принимать во внимание иные стороны, нежели стороны непосредственного влияния ритма трудовых процессов на ритм частушки. Это, гл. обр., культурное влияние города на деревню, имеющее результатом изменение понятий и вкусов; экономическое влияние, имея ввиду в особенности нововведения в домашнем и сельско-хозяйственном обиходе крестьян; в особенности же те экономические изменения в жизни самой деревни, результатом которых явились отхожие промыслы, вовлечение в фабрично-заводской труд, разложение больших семей на мелкие семьи и хозяйства. В целом это изменение всего крестьянского уклада, протекавшего в спокойных рамках натурального хозяйства в прошлом, результатом этих изменений явилась

индивидуализация интересов и самой психики рядом с индивидуализацией хозяйств. Одновременно в жизни деревни мы наблюдали и наблюдаем расслоение, классовый антагонизм. Частушка и эту последнюю сторону своеобразно подмечает:

Рой, рой, милый мой,
Землю черноватую.
Если я тебе бедна.
То ищи богатую.

Наблюдая жизнь, бытованье частушки, мы видим творчество толпы—«улицы» частушка в меньшей степени несет в себе индивидуальные черты творца, чем даже песня. Она почти безлична. В значительной мере частушки представляют собою импровизацию, которая быстро же сходит со сцены и забывается. Несмотря на то, что частушки все вновь возникают, автор их остается неизвестным в толпе. В этом случае творческой анонимности частушка не отличается от других произв народн. творчества. Краткий размер художественного произведения не позволяет говорить ничего о тех вариациях, которые вносит исполнитель и что следует относить за счет идивидуального момента Песня в этом отношении гораздо благодарнее, позволяя порой наблюдать черты индивидуального влияния исполнителя. Частушка коллективна в большей степени, чем какой либо другой вид устного народного творчества. И однако нельзя отрицать большей разносторонности психики той массы, которая является творцом частушки, сравнительно с более узким кругозором психики той, для которой более созвучна старинная песня, несомненно более замкнутая, более гармонирующая с патриархальным, бытовым, в особенности, семейным укладом, более индивидуальная в смысле большего отражения личности отдельного певца. Индивидуализация интересов крестьянской массы и творческая индивидуализация, два разных момента и частушка в отношении того и другого занимает положение, как раз противоположное старой песне. Более индивидуальна, следовательно, не сама по себе частушка, как художественное произведение, индивидуальный характер носят не условия ее бытования, но те ее основы, что коренятся в творческой психике. Отсюда широкий захват бытовых и психологических тем в частушке сравнительно с песней. Исполнение же частушки, связанное с музыкой, ее краткость, близость по своему содержанию и настроению для широких масс и толпы, приноровление к жизни вне стесняющих рамок семейного и календарного обряда, ее подвижность, текучесть и разнообразие, ее хоровое исполнение и связь с танцем, все это, принадлежа в большей степени именно частушке, а не песне—об'ясняет ее распространенность, быстрый рост.

В настоящем кратком очерке я позволяю себе только высказать предположение по вопросу развития частушки, ее композиционного разнообразия. Наблюдение т. н. перебора, то музыкального, заполненного словами или простым набором звуков и слов, наблюдение припевов, разбивающих частушку на две композиционные части, совпадение в музыкальном отношении перебора и частушки—все это говорит о том, что развитие частушки в сторону его постепенного осложнения шло вслед за музыкальным мотивом. Осложнение музыкального мотива перебором и припевом осложнило самое частушку, а музыкальное разнообразие породило разнообразие частушки. Естественно предполагать это развитие от музыкального и стихотворного примитива (скоморошьих припевов.—обычно два стиха частушки с

дальнейшими переборами). Этот перебор, носящий иногда характер повторяющегося припева к песне, необходим был скомороху, чтобы продолжить впечатление слушателей от каждой фразы песни и дать возможность передохнуть певцу и подготовиться к новой части песни, представляющей в музыкальном отношении то же повторение, а в художественно-творческом отношении фразу, соединение двух стихов расчитанных на сходное с предыдущим впечатление слушателей (Небылица, испол. певицей Кривоколеновой). Этот элементарный тип частушки сохранен и до сих пор в частушке, в два стиха с самостоятельным перебором. На основе соединения перебора и частушки, а также путем повторения музыкального мотива и путем вхождения особых припевов внутрь стиха, осложнена частушка, представляя теперь большое разнообразие в отношении композиционной структуры.

Припевы и переборы Саратовских частушек следующие:

Золотистый, золотой,
Ты в окопы я с тобой.

Вспомни, что было.
Наверно забыла.

Сережа,
Ну что жа.

На речке мороз
Замораживает,
Парень девицу целует
Загораживает.

Девченочка дай мне руку,
Сердце чувствует разлуку.

Волга матушка река,
Пожалейте бурлака.

Под яблонькой,
Под низенькой,
Целовал, миловал
Меня миленький

Шарабан мой, шарабан,
Я мальчишка шарлатан

Девчоночка,
Молоденька.

В спальне моей
Поет соловей.
Поет соловей
К разлуке моей.

Сирень цветет,
Вот он идет.

Что касается композиционного строения частушки, то, повидимому, главенствующей основой является прием психологического параллелизма.

Что ты, белая береза,
Ветру нет, а ты шумишь.
Что ты, сердце ретивое,
Горя нет, а ты болишь.

Но не следует забывать и указанного музыкального повторения. Оно об'ясняет, при отсутствии двухчленного психологического параллелизма, все таки двухчленность построения частушки.

Что мне барин, что мне пан,
Я теперь хозяин сам.

Она меня одолела:
Купи, зонт лицо сгорело.

Что касается образов и символики, то, без сомнения, не без некоторого литературного привнесения, то и другое сохраняет еще в большой мере черты поэтики народной.

Парень—молодец, сокол.,
Девица—лебедушка, касаточка, картинка.

Обращение—милый, душка, статейка. Рябина и кукушка символизируют девичье горе, одиночество, сиротство. Сорвать травку отдавать замуж; обивать листья в саду—подымать на смех девичью любов. Сохнут деревья, речка—болит сердце. Влюбляться вырастают трава, цветы. О том, что рифмы в частушке происхождения не литературного, достаточно могут говорить приведенные выше плясовые частушки: «Эх, бейсь лаптюте» и т. д. или следующая частушка, в которой внутренние созвучия берут перевес над конечной рифмой.

Картинка моя,
Красней огня.
Проводила миленочка,
В постель слегла

В отношении поэтики частушка ведет, так. обр., к народной крестьянской, среде, частью к скоморошьей традиции, как о том же говорит и рассмотрение условий ее бытования.

Трудно предполагать, что частушка, вызванная к жизни за последние десятки лет, исчезнет, как только станут изжиты экономические изломы и социальные противоречия, разрядившиеся октябрьским переворотом, и жизнь деревни войдет в спокойное течение. Частушка останется, поскольку в новом быту останутся развлечения толпы, массы и пройденные исторические этапы и пережитые события могут представить материал для снев близких к эпосу. Последний процесс уже намечается создавая отдельные циклы частушек;—рекрутских, военных, революционных, любовных и т. д. Представление о ряде определенных циклов в отношении частушки дают и материалы по Саратовскому краю. Частушки в своем бытовании располагаются как бы гнездами, давая об'единение одной общей темой ряда частушек. Об этом же говорит и достаточная осложненность частушки и в музыкальном и словесном отношении, примером чего может служить приведенная выше «Волга», приближающаяся к тому же характеру спева*).

М. Советов.

*) Автор в настоящем очерке пользовался записями частушек Саратов. Энтогр. Музея, записями студ. Сарат. Ком. Ун-та и собственными материалами.

К ИСТОРИИ ВОЛЖСКОГО БУРЛАЧЕСТВА.

(Обычное право волжского бурлачества и история кабального договора найма).

Вопрос о волжском бурлачестве, не смотря на свою важность, остается до сего времени открытым.

Если бы нам захотелось знать, когда оно появилось, какое количество бурлаков было в тот или другой период, то мы ответа на этот вопрос не получим.

Мало у нас имеется сведений и о бурлацком быте и кабальном труде. Почти не подвергался разработке вопрос обычного права и отношения русского законодательства к бурлацким артелям. Совершенно обойдена и забыта исследователями бурлацкая песня.

Учитывая все выше сказанное, а также желая привлечь внимание к этому интересному вопросу исследователей и широкие слои населения, мы и решили, на основании собранного нами материала и ранее напечатанных заметок, познакомить читателя с обычным правом волжского бурлачества и историей кабального договора найма.

Оба эти вопроса можно было бы разработать в качестве самостоятельных и отдельных статей, но мы их, ввиду недостачи материала, об'единяем в одну и предлагаем на рассмотрение в качестве постановки вопроса.

С этой оговоркой и приступим к поставленной нами задаче, предпослав ей историческую справку.

Самые отдаленные сведения о волжском бурлачестве мы встречаем в двух записях, изданных Археографической Комиссией и напечатанных в книге—«Артели в древней и нынешней России»—Н. Калачева.

Одна из них носит дату 1642 года и говорит нам об артели ярыжных, которые подрядились идти в тяге на Астраханском судне от города Самары вверх Волгою до гор. Лыскова. Другая из них относится к 1653 г.; в ней излагаются условия о нагрузке артелью струга запасами и товарами и спуске его вниз по Волге в Астрахань.

Число всех ярыжных по первой записи шесть человек, а по второй—восемь. Все они наняты за поруками, причем в числе поручившихся мы видим ярыжных с того же судна.

Размеры бурлацких артелей к концу 17 в. значительно увеличились.

Так, например, в одном из приказных дел старых лет—Д. № 180—указано, что для взвода из Астрахани до Саратова или его зимовья одного струга нанята артель не в 6 человек, как мы это наблюдали по первой записи артели ярыжных, а в 24 человека[1]).

[1]) См. 34 вып. часть 2-ю Труд. Сар. О-ва Краеведения.

Отсюда, мне кажется, сам собой напрашивается вывод, что к концу 17 и началу 18 века увеличились не только артели, но и грузоподъемности судов. Это подтверждается хотя бы еще следующим историческим фактом.

В 1701 году Петр Великий для усиления торговли с Персией и охраны от разбоев низовьев Волги приказал строить суда бо́льших размеров, почему в Казани и заложены были 4 ката и 20 грузовых трех-мачтовых шмаков. Размер катов, по словам историка Боголюбова, равнялся—длина 130 фут, а ширина 26 фут, а шмаков—длина 90 фут, а ширина 23 фута.

Еще больший рост и грузоподъемности судов и размеров бурлацких артелей мы наблюдаем к концу 18 столетия.

Такого рода утверждение делается, хотя и на основании немногих, имеющихся у нас под руками документов, но все-таки мы их считаем правильными, так как после реформы Петра Великого сильно двинулась вперед не только общественно-экономическая жизнь страны и морской флот, но и волжское торговое судоходство. Это подтверждается хотя бы следующим.—В 1798 году, согласно указа правительства, графом А. С. Строгановым с соляных заводов Пермской губ. было отправлено в Нижегородскую соляную контору на девяти тридцати-саженных межеумках 637.527 пуд. соли. Вели эти суда крепостные люди, которых было на каждом судне, не считая водоливов и лоцманов, по 201 человеку.

Гораздо более богат материалом о волжском бурлачестве 19 век. За этот период можно говорить не только о размерах бурлацких артелей и грузоподъемности судов, но и о количестве бурлаков в ту или другую навигацию.

Так, например, в небольшой статье А. Штылько[1]) мы имеем указание, что в 1830 году на Волге и Оке бурлачило 412 тысяч человек.

В 1851 году это количество бурлаков, в связи с развитием парового флота, снизилось до 151,401 человека.

Последнее число по некоторым пристаням найма распределялось таким образом: Астрахань—10.558 ч., Саратов—6.539 ч., Самара—22.064 ч., Казань—13.731 ч., Лысково—15.795 ч., Нижний—33.790 ч., Рыбинск—19.650 человек[2]).

Интересно также отметить, что отвечают старики—бурлаки, когда их спрашивают о бывшем раньше количестве бурлаков на Волге. «Кроме пароходов и коноводок с ихними баржами и подчалками, говорит один, на Волге ходила тысяч до четырех судов на лямках и парусах. Для большого судна требовалось не менее 100 рабочих, для среднего—30—40, а для малого—5—8 ч. Так и смекай теперь, сколько нашего брата было на Волге».

А вот мнение другого.

«Нас на Волге в то время было много: весь берег был устлан старыми лаптями, каких там не встретишь—и русских, и мордовских, и татарских».

Большинство бурлаков, по сведению тех же стариков, составляли великоруссы, затем татары, но они слабосильны, злы и ленивы, а потому их судовладельцы брали не охотно.

Потом идут чуваши, черемисы и друг. Собирались бурлаки на Волгу из разных губерний: верховые приходили из Ярославской, Тверской и Новгородской губ., низовые—из Костромской, Вятской, Нижегородской, Казанской, Симбирской

[1]) См. Сборник Ниж. Научного О-ва за 1890 г., т. X.

[2]) См. статью Н. Красильникова газеты «На Вахте» 28 июня 1924 г.

(теперь Ульяновской), Самарской, Саратовской, Тамбовской, Пензенской и др. губ. Последняя поставляла наибольшее количество бурлаков, а потому прозывается в народе «бурлацкой».

Шли бурлачить крестьяне больше от малоземелья, оброков, излишка рабочих рук. Вот что говорит об этом бурлак А. Г. Ганюшин—крестьянин Ульяновской губ., 78 лет: и «бурлачить ходили мы больше от нужды.

Нужно было платить недоимки (подати), а земля то доходу давала мало, вот бедные крестьяне и шли на Волгу.

Были случаи, когда и богатые крестьяне наймут на свою работу работников, а сами идут бурлачить (но это в их семьи вносило ссоры и скандалы).

Пошлет отец одного сына бурлачить, а он со стороны и принесет жене подарок; тут и пойдет между снохами потасовка.

Большинство же богатых крестьян сходят разок, наткнут нос, да больше и не ходят».

Тоже самое говорит другой: «ходили мы бурлачить больше от нужды. Богатому что идти —у него земли-то—столбы, да и хозяйство большое» (запис. от бурлака 95 л. А. И. Дудалабова—крестьянина Ульяновской губ.).

Встречались между бурлаками бездомные, пропившиеся дьячки, понамари и очень много беглых.

Беглые, в большинстве случаев, были крепостные крестьяне, которые бежали от помещичьих поборов, непосильной барщины, от побоев бурмистров, рекрутских наборов.

Недаром граф А. С. Строганов, давая в 1798 г. наставление караванному приказчику Степану Демидову, говорил: «Под именем вотчинных крестьян—людей беглых и безпаспортных, а паче воров и разбойников равномерно и военных дезертиров, яко то: рекрут, солдат и матрозов, и бежавших из промыслов заводских работников отнюдь ни под каким видом на суда не принимать и не сколько не держать»[1]).

Шли беглецы, по словам историка В. П. Снежневского [2]), большею частью в низовья Волги, где виды на жительство добывались очень легко. Нанялся, например, беглый в бурлаки на судно и, если есть у него деньги, то он идет и через известных ему агентов, обитающих всегда в кабаках, рубля за два—за три выправляет паспорт, засвидетельствованный в полиции.

Говорят о привольности житья в Астрахани, которую бурлаки прозывали Разгуляй-город, и народные песни:

Кому плыть в Камыши, [3])
Тот и паспорт не пиши.
Кто захочит в Разгуляй
И билет не выправляй.

Брали в то время судовладельцы, и даже правительственные агенты и слепых (безпаспортных) бурлаков.

Так, напр., один беглый беспаспортный крепостной Головина рассказывает, что он нанялся в бурлаки на баржу, шедшую с казенным запасом от Свияжска до Рыбинска,

---

[1]) Документ хранится у И. А Шубина в Ниж--Новгороде.

[2]) См. сборник Нижегор. науч. о-ва за 1890 г., т. X.

[3]) Камыши—Камышин.

а оттуда до Петербурга (это было в 1781 г.). Из Петербурга беглый вернулся в Нижний с одним поручиком, который отправлял казенное имущество. [1])

Выходили бурлаки на Волгу, обыкновенно, ранней весной. Некоторые из них шли в крупные приволжские города, где существовали, так называемые, бурацкие базары; другие, которые были наняты судохозяевами в зимнее время, направлялись в заранее указанные пункты.

Любопытно было наблюдать движение бурлаков по дорогам. Они шли большими партиями и останавливались в селах только для обеда, ужина и ночлега.

Ребятишки, вечно торчащие на улице, едва завидят толпу бурлаков, бегут к матерям предупредить о их появлении. Улицы в таких случаях моментально заполнялись бабами, которые, желая заработать, старались перехватить более значительный косяк бурлаков для отпуска обеда или чая. Крики ребятишек, перебранки баб, говор бурлаков нарушал деревенскую тишину и продолжался до тех пор, пока бурлаки не разбирались хозяйками и не уходили из деревни.

Наем бурлаков, в большинстве случаев, происходил на первой неделе великого поста.

Вот к этому времени крестьяне, которые хотели поступить в бурлацкие артели, шли на Волгу или ее притоки. Ряды кончались, по большей части, в один день (или, как тогда говорили—базар), а иногда они тянулись и несколько дней. Все зависело от спроса и предложения.

На тех пристанях или базарах, куда бурлаков приходило много, а ряда шла плохая—там цены на них были низкие, а где их оказывалось мало и требования большие—там цены стояли выше.

Случалось, напр., что сегодня наняли артель по 10 руб. серебром на работника, а через 2—3 дня, за ту же путину дают 12 рублей.

В некоторых торговых пунктах для найма бурлаков существовал определенный день. Так, напр., в Пучеже рядились во вторник, в торговый день, в с. Промзине (Ульяновской губ.) считали днем найма первое воскресенье великого поста. В народе его прозывали—«Сборным воскресеньем».

Этот день всегда был базарный, на него съезжались крестьяне со всей округи. Одни ехали наниматься на суда, другие—купить что-либо, а третьи—просто посмотреть на многолюдный и веселый бурлацкий базар.

Порядок найма в селе Промзине, по словам бурлаков Гапюшина, Потехина Дудоладова, проводился следующим образом. За несколько дней до сборного воскресенья бурлаки отдельных сел и деревень составляли из себя небольшие (10—12 ч.) артели, выбирали артельного старосту и шли наниматься.

Говорит об этой предварительной организации бурлацких артелей и русское законодательство.

Так, например, в XII томе свода законов указано, что для удобнейшего и скорейшего составления артелей на судах, и дабы люди, из коих имеют артели составляться могли с большей уверенностью и без опасности принять на себя круговую друг по другу поруку, вменяется им в обязанность отправляться артелями с самого места жительства, коль скоро из одной деревни, волости или города идут несколько человек». Однако нельзя думать, что такого рода порядок найма возник

[1]) См. Нижгор. сборник за 1890 г., статья В. И. Снежневского, т. X.

по требованию законодательства,—скорее можно утверждать противное, т. е. то, что законодательство желая обеспечить прочность договора, закрепило и узаконило этот, издавна существующий, обычай в бурлацких артелях

Это подтверждает документ 1642 года о ярыжных (бурлаках), нанятых с круговою друг по другу порукой итти на Астраханском судне вверх Волгою рекою от г. Самары до Лыскова. См. Юридические акты, изданные Археографической Комиссией, Санкт-петербург, 1838 г.

На местах найма артельный староста вел переговоры (ряду) с приехавшими для такого случая судохозяевами или приказчиками.

Ряда, обыкновенно, тянулась очень долго, так как артельный староста, чтобы не было потом со стороны бурлаков нареканий, старался не продешевить, а судохозяин или приказчик боялся, как бы не передать. В таких случаях, каждая из сторон, чтобы выгодно заключить для себя сделку, прибегала к каким нибудь уловкам.

Артельный староста, обычно, расхваливал своих молодцов, а судохозяин, чтобы артель согласилась заключить договор по цене, какую он предлагал, обещал увеличить «мугарыч», прибавить задаток, а если бурлаки нанимались на его харчах, сытно кормить.

Но вот, наконец, поладили, хозяин, после продолжительного рукобития и записи бурлаков, об'являл о заключении найма сельскому старосте и волостному старшине, которые в такие дни бывали на базарах. Последние брали от хозяина или уполномоченного половину рядной цены, удерживали с каждого бурлака повинность, а остальные (их почти никогда от первой путины не оставалось) отдавали бурлакам на руки. Другая половина рядной цены находилась у хозяина и он из нее в пути следования выдавал бурлакам на харчи.

Если же в дороге, по какой либо причине происходили задержки, то этих денег на харчи не хватало.

В таких случаях судорабочие наедали кабалу, и когда приходили к месту назначения—вынуждались судоходной расправою выдать хозяину расписку об уплате, по первому требованию, израсходованных в пути на харчевое довольство денег (кабалы).

Такого рода явлений, как мы видим из словесных дел Рыбинской Судоходной расправы, раньше встречалось очень много [2]).

В качестве примера, указывающего на причины закабаления волжских рабочих, приводим следующую выдержку из документа за 1848 г.: «Мая 6-го дня, явясь в присутствие расправы, Андрей Федоров Горячев, Родион Федоров Рогозин, Осип Петров Юрьев, Прокофий Григор. Горбунов приносят словесную жалобу на крестьянина Матвея Осипова Мизинова в том, что мы будучи поряжены им 14-го минувшего апреля в судовую работу с словесным условием чтоб нам вытти в верх по Волге в деревню называемую Юг, и взять там стоящее его судно, сплыть до Нижнего-Новгорода, забрать на него надлежащие припасы и отправиться далее вниз рекою Волгою и где заблагорассудится Мизинову погрузить дровами и доставить до Астрахани, ценою условились за работу получить на каждого по 57 руб ассигнациями, в число сей суммы получили задаток по 9 руб. серебр. Каковое судно мы сплавили до

[1]) См. дела устных и письменных жалоб бурлаков на судовладетелей Рыбинской Судоходной расправы, находящ. в Н.-Новгороде, в судоходном архиве.

г. Нижнего для запаса харчевыми продовольствиями. но Мизинов приказал грузить это судно здесь спиртом и мы находясь в работе у него 22 дни и проживаемся почти напрасно без всякого резона» [1]).

Бывают и другие причины задержек в пути, но мы о них говорить не будем, ибо их слишком много и все они ведут к тому, что рабочим никогда не хватает путинной платы на харчи.

Тогда они либо дают хозяину расписку об уплате кабалы, либо оставляют по жребию одного или двоих ее отрабатывать.

В таких случаях рабочие возвращаются домой пешком или пробираются на лодке, питаясь в пути милостыней. Такого рода явления, можно думать, наблюдались раньше довольно часто, а потому законодательство, желая защитить интересы нанимателя и отчасти рабочих, издало следующую статью закона: «Если по исключении из удержанной суммы издержек артели на больных и уплат за беглых, положенных денег на возвратный путь не остается вполне на всех или некоторых из рабочих: то тех из них, которые поставлены подрядчиком, обществом, или помещиком, хозяин снабжает дополнительною платою на счет подрядчика, общества или помещика, удовлетворяя таким же образом и тех, которые приняты по особым сделкам и поручительствам, так же на счет поручителей и вошедших в таковые сделки.

Остальные затем рабочие, избрав из среды своей по доброй воле, или по жребию, двух, трех, или сколько потребуется, человек, оставляют их для заработка на месте и возвращения хозяину той суммы, которую он должен будет выдать на увольняемых в обратный путь из собственных денег заимообразно» [2]).

Приведенная выше статья закона не только не защищает интересы бурлаков. но передает их, как должников, на милость эксплоататора—хозяина.

При таких условиях он может назначать отрабатывающим за долг артели очень низкую плату и тем самым извлекать от дешевого труда доходы, как обычно извлекают капиталисты из кредитований нуждающихся.

Бывали случаи, когда наймы бурлацких артелей происходили в селах по принуждению местных властей. Это делалось так: судохозяин или приказчик, желая нанять артель на суда, обращался не к бурлакам, а к сельскому старосте и старшине. Последние вызывали наиболее нуждающихся и не заплативших повинностей крестьян и предлагали им заключить артельный договор. Сколько крестьяне не отговаривались, но договоры найма в конце концов заключали.

Путинная плата в таких случаях была низкая, а задаток, который отдавался на руки старшине, очень большой.

Но как бы выгодно бурлаки на первую путину не нанимались, денег от нее никогда у них не оставалось, ибо половина платной цены шла на подати, а остальные на харчи.

Совершенно иной способ найма наблюдался в Нижегородской губ., Сергачского уезда.

Там, по словам бурлака Егора Михайловича Суляева—старика 81 года, нанимались большею частью зимой.

Выбирали бурлаки из своей среды «Ходока», который отправлялся в г. Лысково и там совершал сделку.

[1]) Судоходный архив в Н.-Новгороде.

[2]) 343 ст. Свода зак. т. XII, часть 1-ая.

Ходоку, обыкновенно, бурлаки—передавали паспорта и делали наказ, чтобы он нанимал артель на определенную путину и за определенную плату.

Если у ходока с какими-либо судовладельцами ряда совершалась, то он им передавал документы (паспорта) и брал для бурлаков от них рублей по 5 на брата задатку.

Что же касается окончательного оформления найма, то оно происходило спустя некоторое время и по большей части в той волости, откуда артель рабочих.

Практиковался на Волге и четвертый способ найма, к которому судохозяева прибегали только в пути следования.

Нанятые по 4-му способу бурлаки назывались—добавочными.

Письменного договора найма с ними хозяин не заключал, их записывали после ряды в особую книгу, которая имела такую же обязательную силу, как и договор.

Как только личная ряда совершалась и выполнялись все формальности, хозяин ставил артели «мугарыч».

Размер «мугарыча», по словам стариков-бурлаков, равнялся одной четверти водки на 20 человек.

Если хозяин оказывался по-щедрее, то он бутылки две—три прибавлял.

Мугарыч обыкновенно выпивали бурлаки сильные и бывалые, слабосильные же и первяки (бурлаки перво-путинники) от мугарыча отказывались в пользу первых.

Это являлось как бы компенсацией от слабых и неопытных членов артели-сильным и опытным.

По прошествии некоторого времени и по требованию хозяина бурлаки являлись на судно и приступали к распределению между собой обязанностей.

Прежде всего они выбирали артельщика, затем кашевара, масляных старост, сокольного старосту, назначали шишку (передового в бечеве при тяге судна) и двух косных.

На обязанности артельщика лежала закупка провизии (харчей).

Деньги для этого он брал у хозяина, который при окончательном расчете с артелью, вычитал их из рядной суммы. Чтобы предупредить его обман, артель вела над ним контроль, который состоял в том, что для закупки провизии отправлялся с ним посыльный и расходные его счета поверял с хозяйскими.

В кашевары нанимался артелью мальчик лет 10—15, который ел пищу артельную и получал обыкновенно очень малую плату. На его обязанности лежала готовка пищи, хлеб же покупался на пристанях.

Ели бурлаки три раза в день. Если судно тянулось подачей или бечевой, то для каждого раза бросался якорь, и бурлаки, убрав бечеву, отправлялись для еды и отдыха с берега на судно.

Первый раз они ели сейчас же после ранней обедни (ели щи и мясо); второй раз в полдень (подавалась пшонная каша—„Саламата"); третий—часов в одиннадцать вечера (ели вареную говядину и щи, а в постные дни—горох и муру [1]) На обязанности масляных старост лежит охрана и отпуск толокна, масла и соли своему десятку. Он же должен знать чашку, солоницу и масленку своего десятка. В артели масляные старосты никакими привилегиями не пользовались.

---

[1]) Окрошку из хлеба, сырой воды, масла и соли.

Действия сокольного старосты (обыкновенно им выбирался молодой по первой путине бурлак) сводились к наблюдению за соколкой—отхожим местом.

Косные должны были лазить на „дерево" (мачту) и при тяге судна ссаривать бечеву.

Перейдем теперь к рассмотрению договоров найма бурлацких артелей. Их у нас имеется около 30 штук: два из них относятся к середине 17 ст., один к 1700 г., один к 1798 г., а остальные к 1-ой и 2-ой половине 19 столетия. Как один из наиболее характерных договоров последнего времени привожу для примера и наглядности целиком:

«1847 года апреля 24 дня». Нижегородское отделение Рыбинской судоходной расправы, мы нижеозначенные под сим в реэстре судорабочие люди и лоцман, заключили сей контракт с Балахинским купцом сыном Порфирием Ивановым Несторовым за условленную по указанию у сего в реэстре плату собственную его расшиву, на которую войдя немедленно, убрать как следует к сплаву, сплавить вниз рекою Волгою до колонии Баронского к показанным амбарам, из коих по уделании нами мостков нагрузить пшеницей как хозяину угодно будет, по нагрузке же и по настоящему убравшись взвести оную расшиву вверх, рекою Волгою до Ниж.-Новгорода *с поспешностью не просыпая утренних и вечерних зорь*, в работе определить нас на каждую тысячу пудов груза по три с половиною человека кроме лоцмана, во время же пути следования всемерно нам стараться чтобы судно не подвергалось ни малейшей задержке. Равно нам всем находиться у хозяина и его посланного и лоцмана во всяком послушании и повиновении. При нанесении же судна на мель и на каменистые грунты должны мы тотчас снять оное и следовать по прежнему. Если же встретится мелководие, то перегрузить кладь в наузки, за которыми нам ходить в верх и в низ по 30 верст без платы. Если же на провод их потребуется более 3-х дней, то хозяин лишнее сверх 3-х дней, платит нам каждому по пятнадцати копеек серебром в сутки каждому. Если же с судном последует несчастье и не будет возможности спасти оное, то обязаны мы немедленно оное подвести к берегу, воду из оного отлить, кладь выгрузить на берег подмоченое пересушить, и обратно в то или другое судно погрузить и следовать попрежнему. Если из нас лоцман неосторожностью или самонадеянностью своею подвергнет судно повреждению или гибели то за сие ответствует один он, лоцман, по закону. При том обязаны мы иметь на судне крайнюю осторожность от огня и для того табаку на судах отнюдь не курить, от нападения воров защищаться и до грабежа не допускать, судно и хозяина днем и ночью оберегать. Если кто из нас в работе будет ленив и ослушлив, или притворно захвораст, сбежит и хозяйское что нибудь украдет, вместо таковых на счет наш нанимать других и за украденные вещи платить обязуемся нашею артелью. Заболевших же по власти Божией рабочих в пустых местах не оставлять, и везти их до ближайших селений где и отдавать кому следует под расписку с удовлетворением по расчету деньгами. По приходе в гор. Нижний судно поставить, припасы пересушить, убрать куда приказано будет, потом, получа паспорта и учинив расчет быть свободным. Если же при расчете окажется за нами излишней перебор денег, то таковые обязаны мы сполна заплатить безпрекословно. И, наконец, всю прописанную работу

производить нам, лоцману, на хозяйских, а нам на своих, харчах в чем сей контракт ручаясь друг по друге поруками и дали, который содержать свято и ненарушимо в том под сим и подписуемся (46 чел.). Ряда каждому за путину по 16 рублей 57 1/7 к. серебром. Задатку каждому по 10 р. 29 к. серебром. Еще получить в число платы ручных при погрузке по 50 к. каждому. К сему контракту и реестру вместо рабочих людей за неумением грамоте по их личной просьбе равно и за себя руку приложил Астафий Афонасиев. Маклер Усов. Из книги Нижегор. Отделения Рыбинской Судоходной расправы за 1847 г. № дела 116»[1]).

Этот договор найма является одним из характернейших кабальных договоров 19 ст. и дает нам полное представление об эксплоатации волжских бурлаков.

Имеет этот договор сходство, а в некоторых пунктах совпадения и с более ранними договорами. Но таких совпадений немного, да и те встречаются больше в форме изложения. Большинство же договоров имеют много различий, так, например: в условиях найма середины 17 столетия, заключенных ярыжными (бурлаками), мы встречаем такие требования, о коих в документах 19 стол. и не упоминается.

В них артель ярыжных обязуется не только быть у хозяйна во всяком послушании, в пути лазить с рычагом в воду, но и высечь в лесу на всякого человека по сохе да подве честике и поставить в Астрахане лубяной амбар, в который и украсть хозяйские запасы и товар.

В другом месте артель ярыжных будучи связана между собой круговой порукой, «обязуется в случае невыполнения кем либо из ярыжных своих обязанностей, воровства или бегства, за него уплатить понесенные хозяином убытки и сверх того за выданные ярыжным задаточные деньги уплатить вдвойне»[2]).

Встречаются в договорах и такие пункты, которые говорят исключительно в пользу артели и защищают ее интересы.

Так, например, в одном из условий найма 1653 г. мы читаем—«Хозяин не вправе заставлять ярыжных выгружать из хозяйского судна соль и рыбу, не вправе вычитать у них деньги за лыки, канаты[3]). К концу 17 столетия пунктов, защищающих интересы артели, мы уже не встречаем. Становится более суровыми и пункты обязательств.

Это подтверждают хотя-бы следующие положения договора, в котором говорится, что «если хозяйский струг зазимует, то им—наймитам, ждать оттепели двенадцать дней. а если оттепели не будет, то им—наймитам, делать зимовье и тот товар из того струга в него выгрузить. А за огуство и за воровство смирять ему, хозяину, их наймитов, всяким смирением смотря по вине».

Если мы теперь посмотрим договор найма конца 18 стол., то увидим, что кабальность условий к этому времени не только не уменьшилась, но значительно возросла.

Это могут подтвердить хотя-бы следующие пункты из условий бурлацкого труда, которые говорят о том, что бурлаки «должны идти денно и ночно со все-

---

[1]) Нижегородский архив водного транспорта.

[2]) См. поручные по ярыжных, Юридические акты, изд. Археографической Комиссией. Санктпет., 1838 г.

[3]) Те же акты.

возможнейшим поспешением без малейшего промедления». Такого рода требование, как мы видим из приведенного выше документа, перешло в 19 ст. в другое и немного смягчилось.

В нем выражение —„работать денно и ночно“ уже выбрашено и заменено словами—«идти с поспешностью, не просыпая утренних и вечерних зорь».

Изменение произошло, как мы видим, очень незначительное, но оно для рабочих и нанимателя важно.

Встречаются в некоторых из договоров найма, в пункте о рабочих часах, условия более определенные, как, напр.: «работать день и ночь безостановочно, имея одной завозне отдых не более шести часов в сутки», но эти требования связаны с особым родом передвижения—коноводчеством.

Если же мы теперь возьмем договора позднейшие и будем производить между ними сравнение, то увидим, что некоторые из них в пунктах требования имеют полное совпадение.

Особенно же в этом отношении близко стоят друг к другу договоры одного составителя и нанимателя, но все-таки большинство договоров во многом друг от друга отличаются.

Это, нам кажется, можно об'яснить разностью условий работ. требованием нанимателя и искусством составителя.

Но сколько бы кабальные договора бурлацких артелей не имели различий и совпадений. вывод можно сделать только один: все они черезвычайно односторонни и говорят исключительно в пользу нанимателя. Нанятые всегда оставались обойденным законом. и, в полной мере, эксплоатируемыми купцами. Теперь разрешим себе подвести некоторые итоги нашим наблюдениям. Они в общих чертах таковы:

1) вопрос о волжском бурлачестве научно совершенно не разработан и ожидает, как собирателей, так и исследователей;

2) по историческим сведениям, имеющимся в ограниченном количестве, однако. возможно судить об истории возникновения бурлачества и развитии его;

3) история развития бурлачества совпадает с историей развития волжского судоходства ибо наблюдается закономерность роста артелей бурлаков с ростом об'ема судов;

4) организация бурлацких артелей в ранний период подчинялась обычному праву бурлачества, позднее она закреплялась государственным законодательством в его установленных формах.

5) Договоры найма бурлацких артелей сводились к закабалению бурлачества нанимателями. Если в ранний период наряду с жестокими требованиями выгораживались некоторые интересы бурлачества, то в поздний период при более смягченной форме требований, эти привилегии совершенно уничтожались.

В подтверждение некоторых выводов прилагаем два договора найма бурлацких артелей—один на коноводку, а другой на расшиву:

1) 1846 года сентября 26 дня. В Нижегородском отделении Рыбинской Судоходной расправы мы, нижеподписавшиеся, в реэстре судорабочие люди дали сей контракт Ниж. 2-й гильдии купцу и почетному гражданину Петру Михайловичу г. Есыреву в том, что нанялись мы у него г. Есырева волжскую судовую работу на

собственную его коноводную с подчалками машину состоящую ныне здесь при городе Ниж.-Новгороде, нагруженную разным хлебом, явясь на оное убрать надлежащим образом к верховому ходу и следывать на оной в верх по реке Волге, до города Рыбинска, или пристаней оного. Срок же вступления нашего в работу считать двенадцати человекам с восьмого числа сего месяца и продолжать оную полутора месяца действия в пути машиною и притом около оной управлять и завозить подачею три завозни в каждой по двенадцати человек кроме хозяйского кормщика день и ночь без остоновочно, имея одной отдых не более шести часов в сутки, при чем всегда поспевая на свою очередь, обеды делать не ожидая одна другой завозни а каждая порознь, работу ж производить неленно как у хозяина или его доверенного равно коренного лоцмана, завозенных кормщиков, шкивного мастера и водолива быть в полном послушании и повиновении, в всякие посылки ходить и ездить и никаких законно противных поступков нечинить, табаку на судах отнюдь не курить, окольми паче не пьянствовать, от нападения воров защищаться и до грабежа не допускать, ктож из нас сбежит или притворно захворает в работе будет ленив и ослушлив, в таком случае волен он г. Есырев в место таковых на наш счет нанимать других хотя и с передачею противу нашей ряды, каковую передачу, и забранные вперед деньги сполна заплатить обязуемся нашею артелью, а с заболевшими по власти божией рабочими людьми ему г. Есыреву учинить расчет по месячно, при следывании в пути суда с песков, каршей и камней снимать из проносов, заметов и затонов выводить всяким судоходственным промыслом и в воду со стягами лазить безотговорочно, притом перебираться на мелях сколько оных ни случилось, за паузками вверх и вниз ходить в которые нам же разгружаться и вести оные под кормою коренных судов и от всякого несчастного приключения всем нам стараться оных избавлять воду лить, огонь тушить как суда равно и груз в оных до гибели не допускать, хлеб из потопа и огня денно и ночно таскать и возить завознями и лодками на берег с поспешностью, подмоченный пересушить, суда отливши починить и спасенный хлеб обратно погрузить и следовать по прежнему, а о случившимся несчастьи нам обще с посланным от хозяина учинить законное свидетельство. Если же кто из нас учинит самовольный прогул с такового волен хозяин вычитать из положенной платы за каждые прогульные сутки по два рубля серебром, по приходе в Рыбинск суда поставить на показанное место, припасы пересуша убрать куда приказано будет, учиня с доверенным расчет и получа паспорты быть свободным. Если окажется за нами лишний перебор денег, то обязуемся оные в тоже самое время сполна заплатить бозотговорочно, а какая нам ежемесячная ряда и задатки значатся под сим в реестре. Всю же выше писанную работу производить нам судорабочим на своих харчах, в чем сей контракт ручаясь друг по друге поруками по артельно и дали, который и должны содержать свято и ненарушимо в чем и подписуемся. Реэстр судорабочим порядившись у госп. Есырева. (Дальше идет перечисление имен и фамилий рабочих, всего их 26 человек). Ряда каждому в месяц по двенадцати рублей восмидесяти пяти $^{5}/_{7}$ коп. серебром, задатку каждому по двенадцати рублей восмидесяти пяти $^{5}/_{7}$ коп. серебром. К сему контракту и реэстру вместо рабочих людей за неумением их грамот Петр Иванов руку приложил и в получении ими задаточных денег на каждого серебром по 12 р. 85$^{5}/_{7}$ к. В Нижегор. отделении Рыбинской Судоходной расправы. Сей контракт у маклера Дмитрия Усова. К свидетельству явлен и в книгу подлинником под № 132-м записан и следующие в

пользу города Ниж.-Новг. деньги серебром два руб. 51 к. получены. Сентября 26-го дня 1846-го года. Гербовый лист один рубль 80 к. серебром.

Маклер Дмитрий Усов [1]).

2) 1845 года августа 12-го дня в Нижегор. отделении Рыбинской Судоходной расправы, нижеозначенные в реэстре судорабочие люди и лоцман заключили сей договор с крестьянином Балахнинского уезда, села Городца, Иваном Михайловым Резничевым в том, что договорились мы за условленную с ним Резничевым цену показанную у сего договора в особом реэстре собственное его судно Расшиву состоящую здесь при гор. Нижнем по заключении сего договора явясь немедленно на оную нагрузить разными ярмарочными товарами, потом убрать к низовому сплаву и сплавив до города Казани выгрузить оный на берег, по выгрузке ж сплавить до гор. Самары, где и нагрузить оную в течение восьми дней, каким от него хозяина приказано будет хлебом и выдти обратно Балахнинского уезда с. Городца, с должною поспешностью *не просыпая без работы* утренних и вечерних зорь, в работу ж должен он хозяин иметь на каждую тысячу пудов груза по четыре человека, кроме лоцмана и водолива, во время же следования означенного судна всемерно нам наблюдать, чтоб по нерадению или лености или пьянству одного или многих из нас судно праздно не простаивало и не подвергалось ни малейшей задержке, а особливо когда случится для ходу благополучный и попутный ветер, равно каждому из нас судорабочих ни в какие своевольства не вдаваться, а быть в послушании полном и повиновении, как у него хозяина, равно и у того, кому то судно от него поручено будет, при нанесении судна на мель и на каменистые груды должны мы немедленно оное снимать и следывать без промедления, а если где либо встретится мелководье, то перегрузить нам кладь с оного судна в купленных или нанятых хозяином паузки, за которыми ходить нам вверх и вниз по тридцати верст, перегрузиться на всех мелях без платы и за простой сверх трех суток получить нам на каждого по пятнадцати копеек серебром в сутки, сверх того, если с судном последует какое либо от потопа несчастье и не будет ни какой возможности спасти в таком случае обязаны мы со всевозможным старанием привести оное к берегу, воду из него отлить, кладь выгрузить на берег, подмоченную пересушить, пересушенное же обратно погрузить и следовать с поспешением за ту же ряду не требуя прибавки: от огня иметь нам крайнюю осторожность, а потому и табаку на судне отнюдь не курить. Если кто из нас притворно захворает, в работе будет ленив и ослушлив или сбежит вместо таковых волен он хозяин — нанимать на наш счет других хотя и с передачей противу нашей ряды, каковую передачу и заработанные вперед деньги сполна заплатить обязуемся нашею артелью по прибытии в село Городец судно поставить на показанное место припасы пересуша убрать куда приказано будет, потом получить доставленную разделку и паспорты быть свободным, и наконец всю прописанную работу произвести нам на своем харчевом продовольствии кроме лоцмана, который должен быть на хозяйском. Больных рабочих оставлять не иначе, как в городе или в деревне или в каком другом жилище, которых отдавать на руки начальнику или старшему того места, где оставался с распискою. В чем сей договор ручаясь друг по другу поруками и дали, который и должны содержать свято и ненарушимо, в том под сим и подписуемся.

[1]) Нижегородский архив водного транспорта.

Реэстр судорабочим порядившимся у судохозяина Резничева на путину до города Самары и обратно до села Городца Лоцман. 1. Балохнинского уезда вотчины графа Панина села Городца Крестьянин Исак Григорьев ряда ему за путину серебром 20 р., задатком серебром же десять руб. Рабочие—2) Андрей Николаев, 3) Иван Ларионов, 4) Димитрий Яковлев, 5) Аверьян Васильев, 6) деревни Валика Козьма Никитин, 7) Трофим Григорьев, 8) Василий Павлов, 9) Петр Макаров, 10) Федот Андреев, 11) Евграф Андреянов, 12) Федор Семенов, 13) Яков Михайлов, 14) Михей Герасимов, 15) Яков Останов, 16) Кирил Андреев—ряда им каждому за путину по семнадцати руб. 15 к. задатку серебром же по 8 руб. 57 к., сверх означенного задатка получить нам в городе Самаре ручных на каждого по 50 к. сер. еще вывести хозяину без денежно на каждого рабочего купленного на наш счет пайку по два с половиною пуда.

К сему договору и реэстру вместо вышеозначенных лоцмана и рабочих людей за неумением грамоте по личной просьбе Ниж: мещанин Димитрий Петров Овчинников руку приложил и в получении им задаточных денег лоцману 10 руб. и рабочим по 8 руб. 57 к. сер. расписался в Ниж. Отд. Рыбинской Судоходной расправы сей договор у маклера Михайлы Вялова к свидетельству явлен и в книгу подлинником под № 36 записал Маклер Михайло Вялов» [1]).

Источники:

1. Личные записи от стариков бурлаков.
2. Архивные материалы Нижегород. архива Вод. пути.
3. Свод законов Рос. Имп. том XII, ч. 1-я.
4. Акты Юридические или собрание форм старинного делопроизводства. Изд. Археографической комиссией Санкт-Петербург, 1838 г.
5. Иван Корнилов. Волжские бурлаки.
6. Труды Сар. Нижне-Волжского Обл. Науч. О-ва Краеведения, выпуск 34, часть II. 1924 г. Ст. А. Гераклитова.

Ф. Родин

Государственная Историческая Библиотека

[1]) Нижегородский архив Водн. Транспорта.

10